

A young boy with curly brown hair, wearing a light blue shirt and dark blue trousers, sits on a stone wall. He is looking off to the side with a thoughtful expression. In front of him on the wall lies an open, thick, old book. To the right of the book is a small, ornate stone lamp with a glowing light and a bat-like creature perched on top. A green vine with leaves is wrapped around the lamp. The background is a fantastical landscape with rolling green hills, a stone castle with two towers and green flags, and misty, rocky mountains in the distance under a cloudy sky.

Ведра Талагаева

Колдовские камни

Книга 1. Защитник
камня

Веда Талагаева

**Колдовские камни.
Книга 1. Защитник камня**

«Издательские решения»

Талагаева В.

Колдовские камни. Книга 1. Защитник камня / В. Талагаева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905844-7

Выдумывая сказки о волшебном мире, остерегайся: он может оказаться настоящим, а твои приключения в нем полными опасностей. И когда зло последует за тобой по пятам, вся надежда будет лишь на старую карту, что покажет путь в забытую страну, в которой бессильны злые чары. И на друзей, которые встретятся на пути. Первая часть истории об Элиа Рассказчике — мальчике-выдумщике из нашего мира, его дороге в страну Нумар и колдовских камнях, которые ему нужно сберечь.

ISBN 978-5-44-905844-7

© Талагаева В.
© Издательские решения

Содержание

Племянник исчезнувшего чародея	6
Стеклянный шар	16
Темноборский брод	21
Таинственный сверток	28
Легенда	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Колдовские камни

Книга 1. Защитник камня

Веда Талагаева

Иллюстратор Е. Г. Гусева

© Веда Талагаева, 2018

© Е. Г. Гусева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-5844-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Племянник исчезнувшего чародея

Вечером на развилке лесных дорог Нок встретил Тарилор на синем единороге. На ней был мужской охотничий костюм, ветерок развеивал длинные волны ее медно-рыжих волос. Сбруя на единороге блистала серебром, в синей гриве звенели колокольчики. Красивое зрелище, ничего не скажешь. Но Нок не очень-то обрадовался, увидев прекрасную всадницу. Гномы вообще не любят эльфов. Больно много они из себя строят – и вечные, и мудрые. Даже вот эта эльфийская девчонка трехсот с небольшим лет.

Только чтобы носиться по лесу верхом и стрелять из лука в зверушек, как эта рыжая, ни мудрости, ни доблести не требуется. Вот дать бы ей кирку в руки да отправить в шахту. И посмотрим тогда, останется ли при ней ее спесь.

Тут Нок вдруг спохватился, что и сам давно уже в шахте не бывал, даже подзабыл, пожалуй, что там, да как. Поэтому от идеи заслать Тарилор на рудник он отказался, но досада на надменную эльфийку осталась.

– Куда это вы направляетесь, госпожа? – спросил Нок, взобравшись на придорожный холмик, поросший травой, для того, чтобы быть с сидящей в седле эльфийкой одного роста.

– По делу, – последовал уклончивый надменный ответ.

– Ты едешь к Дубу, – уверенно заявил гном и обиженно надул щеки.

– Ты и сам туда идешь, – пожал плечами Тарилор, развернула единорога и поехала дальше.

– Потому, что я должен увидеться с Чародеем! – важно объяснил Нок, с трудом семеня мелкими шажками вслед за гордо ступающим единорогом.

– И я тоже, – безразлично заметила Тарилор, не оборачиваясь.

– Он меня ждет! – гордо заявил Нок и, чтобы не отстать, попытался, было, ухватиться рукой за стремя, но эльфийка так взглянула, что рука сама собой разжалась.

– А меня не ждет. Ну и что? – холодно сказала Тарилор, но единорога придержала и позволила гному себя обогнать.

Обиженный Нок поплелся впереди, нарочно ступая как можно медленнее и загораживая собой всю тропу. Тарилор поневоле пришлось сдерживать единорога, следуя за ним.

Так они миновали весь Сосновый лес, весь Еловый лес и весь Березовый, перешли в мелком месте вброд Болтливый ручей, поднялись на Пологий холм и попали в Дубовый лес на круглую поляну, со всех сторон окруженную деревьями. Посреди поляны один-единешенек рос раскидистый старый дуб. А под дубом...

– Что еще такое? – проговорила Тарилор и остановила своего единорога.

Под дубом, свернувшись калачиком, положив ладони под щеку, спал мальчик лет двенадцати.

– А где же Он? – озадаченно спросил Нок.

– Его нет, – насмешливо хмыкнула Тарилор.

– Я и сам вижу! – опять обиделся Нок. – Но откуда здесь ребенок?

– Надо узнать.

Тарилор обогнула Нока слева и поехала вперед. Не желая отставать, гном потрусил за ней. Вдвоем они приблизились к дубу и наклонились над спящим мальчиком. С виду он был худенький. И личико у него тоже было худенькое, скулы высокие, подбородок разделен бороздкой, а волосы черные, короткие и взъерошенные.

Одежда на ребенке была чудная. Рубаха с короткими рукавами и без воротника, поверх нее еще одна – клетчатая, сверху донизу на пуговицах. Таких штанов, как у него – темно-синих с рельефными швами и накладными карманами, Нок никогда и не видел. А уж обувь-то! И не сапоги, и не туфли – шнурованные башмаки на плоской ребристой подошве. Только

на Чародее однажды, когда он собирался за очередной книгой Рассказчика, были надеты похожие.

– Может, ваши знают, что тут к чему? – с подозрением спросил Нок.

Было в этом спящем растрепанном мальчике что-то уж очень странное. А где странности, там, конечно, и эльфы, рассудил гном.

– Как он попал сюда и именно сейчас? – пропустив слова гнома мимо ушей, саму себя спросила Тарилор.

А кого ж ей еще спрашивать, такой красавице да умнице? Не снисходить же до бесед с каким-то там гномом!

– А ты разбуди его да спроси, – язвительно усмехнувшись, посоветовал Нок и сам протянул руку, чтобы тронуть мальчика за плечо.

Но не успел гном до него дотронуться, как вздрогнул и отдернул руку, потому что мальчик вдруг сам проснулся и резким движением сел, уставившись на Нока и Тарилор во все глаза. Глаза у него были голубые, слишком большие для такого маленького лица.

– Почему я здесь? – испуганным шепотом спросил мальчик.

– Ты не знаешь? – удивился Нок.

– Нет, – мальчик растерянно пожал плечами. – Я, наверное, заснул. Но я был не здесь, я был дома.

– Ты, наверное, прошел через дверь, – догадался Нок.

– Через какую дверь? – мальчик удивленно огляделся, недоумевая, где же в лесу среди деревьев может находиться дверь.

Вот ведь странный ребенок!

– Дупло в дереве. Это дверь, – объяснил Нок. – Но в нее может входить только Чародей. Ты его там не видел?

– Чародей?

Ноку показалось, что возможности существования чародеев мальчик удивился еще больше, чем возможности существования дверей. Определенно странный ребенок.

– Ну да, Чародей, – Нока уже начала сердить его непонятливость. – Гвендаль, понимаешь?

– Гвендаль? – это имя, наконец, вызвало у непонятливого мальчика какие-то проблески сознания. – Вы говорите о моем дяде?

Все это время Тарилор молча сидела в седле, считая ниже собственного достоинства участвовать в разговоре с простым смертным. Но тут и она не выдержала.

– Гвендаль твой дядя? – воскликнула она. – Так чего же ты нам голову морочишь? Он, что, прислал тебя вместо себя?

– Тогда почему у него нет книги? – возразил Нок.

– Ах, вот зачем ты здесь! – усмехнулась Тарилор. – Я и забыла, что лицезрею диво дивное: гном, который забросил гномьи занятия и увлекся книгоиздательством!

– Не вижу в этом ничего плохого, – проворчал Нок и опять надул щеки. – Слушай, парень. Я работаю в книжном издательстве, самом лучшем и популярном во всей стране, и Гвендаль обещал моему шефу новую книгу Рассказчика. Он говорил, что уже готово продолжение приключений Белого рыцаря на Черном болоте.

– Да. Следующая книга будет о приключениях Белого рыцаря в Черном замке, – кивнул мальчик и снова очень удивился. – Но вы-то откуда знаете? Я никому, даже Гвендалю свои истории не показывал и читать не давал.

– Так это твои истории? – Тарилор снова не удержалась от удивленного возгласа, потом насмешливо стрельнула глазами в сторону гнома. – Оказывается, Рассказчик – просто мальчик. Ты влип, Нок!

Нок схватился за голову.

– Ничего себе дела! Себастьян меня убьет.

– Но где же интересно находится Гвендаль? – вновь обращаясь к самой себе, задумчиво проговорила Тарилор.

– А где я-то нахожусь? – вскочив на ноги, нетерпеливо спросил мальчик.

– Ясно где – в Ильраане! – ответил Нок.

У мальчика вдруг сделалось такое бледное лицо, что Нок даже испугался, как бы он не упал в обморок. Но падать он не стал. Только сел обратно на траву и сказал:

– Ой, мама.

Если бы еще двадцать минут назад кто-то сказал Илье, что такое может происходить не только в его воображении, он бы не поверил. Но два существа, смотревшие на него сейчас, были очень убедительны. Илья мысленно назвал их «существами», потому что выглядели они не совсем как обычные люди.

Плотный коренастый мужчина с черной бородой ростом был всего на полголовы выше самого Ильи, а у прекрасной рыжей девушки были острые, словно у рыси уши. И сидела она на голубой лошади, во лбу которой торчал перламутровый, закрученный штопором рог.

Больше Илья не смог толком ничего разглядеть – от волнения все поплыло перед глазами. Подумать только! А ведь совсем недавно он был в Москве, в обычной квартире, жил в обычной семье. Вернее, не совсем так. Он жил в чужой семье.

Родителей своих Илья Рощин не помнил. После того как они разбились на машине, Илью взял к себе папин брат Сергей Иванович, которого даже дома все уважительно называли Профессором. Он был серьезным ученым-историком, преподавал, часто читал лекции за границей.

К Илье Профессор относился хорошо, но виделись они редко, потому что Сергей Иванович почти всегда был занят своей работой. Присматривала за мальчиком чаще всего домработница Профессора Полина. Эта строгая пожилая дама больше походила на вдовствующую королеву, чем на домработницу, но к маленькому Илье была привязана, хотя и не любила этого показывать.

Словом, в доме Профессора жилось Илье неплохо до тех пор, пока не появилась Марина. Энергичная молодая студентка, посещающая лекции Сергея Ивановича Рощина, высоко оценила достоинства преподавателя: его ум, интеллигентность, образованность, а также просторную многокомнатную квартиру, машину и уютную дачу за городом. Оценила и взяла в оборот солидного, но застенчивого и не приспособленного к жизни Профессора.

Став женой Сергея Ивановича, Марина быстро завела в его доме свои порядки. Скоро ее стали побаиваться все. И Профессор, и его старый школьный друг дядя Коля Смирнов, и даже Полина. А больше всех доставалось, конечно же, Илье.

– Бедные родственники должны быть благодарны, что их приютили, и вести себя соответственно, – любила повторять Марина.

Полина попробовала намекнуть ей однажды, что она и сама бы должна как-то «соответственно» себя вести.

– А вместо старой домработницы, которая бьет тарелки, можно завести посудомоечную машину, – ответила на это Марина. – От нее куда больше пользы.

Больше Полина не заводила этот разговор. Единственным, кто теперь заступался за Илью, был другой его дядя. Он появился вдруг неведомо откуда, когда Илье было десять лет, и сразу всем понравился. Полине потому, что галантно относился к старушкам. Дяде Коле Смирнову потому, что умел красиво проигрывать и необидно выигрывать в шахматы. А Профессору потому, что не понравился Марине.

– Еще один родственничек, – ворчала она. – Надо же! Брат матери. И где он был до сих пор?

Этого дядя Гвендаль не объяснил. А свое необычное для России имя он объяснил очень просто. Девичья фамилия матери Ильи тоже была довольно необычной – Рено. Совсем как у актера, который играл киллера Леона в кино.

– Наши предки родом из Франции, – рассказал Гвендаль. – Приехали в Россию во времена Екатерины Великой. Меня называли в честь какого-то французского прапрадедушки.

– Звали их сюда! – недовольно ворчала Марина. – Приличные французы тогда дома сидели, свою Французскую революцию устраивали. А по заграницам одни бездельники шлялись!

Но Профессор разрешал Гвендалю приходить в любое время, и Марина вынуждена была смириться. Появлялся Гвендаль, впрочем, нечасто – раз в два-три месяца. Говорил, что работает фотографом, фотографирует птиц и животных и потому много разъезжает. Ни одной фотографии, правда, не показывал. Но зато как-то раз подарил Илье совершенно классные ролики.

– Не сиди все время в своем углу. Кругом столько интересного. Надо все успеть увидеть, – сказал он, когда принес ролики в комнату Ильи.

Илью все вокруг считали слишком тихим и серьезным для своих лет. Он много читал и все время что-то записывал в толстую тетрадь.

– Он сочиняет какие-то дурацкие истории, – жаловалась Марина Профессору. – Что, так и будет витать в облаках, когда вырастет? Ему нужно будет работать, ведь не ты же будешь платить, если он вздумает пойти учиться.

Илья и сейчас уже не сидел, сложа руки. После школы он разносил газеты на почте и мыл машины. Но кое в чем даже Марина была права: он действительно витал в облаках. И жена Профессора рассердилась бы еще больше, узнай она, что виноват в этом Гвендаль.

Однажды летом на даче во время страшной грозы, чтобы Илья не так боялся, Гвендаль рассказал мальчику историю, больше похожую на сказку. О мире под названием Дивный Край, о чудесной стране Ильраан, которой правят могущественные чародеи. Об эльфах, живущих в лесах. О гномах, ищущих под землей сокровища. О людях, не боящихся опасностей и совершающих подвиги. Рассказал и даже нарисовал карту сказочных земель.

С тех пор Илья большую часть времени мысленно находился там, в мире, столь непохожем на его собственный. Рассказ Гвендаля захватил его, и он стал сам выдумывать истории, а потом и записывать.

Сочинял Илья, сидя за большим письменным столом в домашнем кабинете Профессора. Там же в кабинете он и прятал написанное, потому что Марина хоть и заправляла всем в доме, но трогать что-либо в этой комнате опасалась. Тогда Профессор мог забыть свой трепет перед супругой и не на шутку прогневаться.

В кабинете Илья прятался и сам. Когда Марина особенно злобствовала, или когда становилось очень грустно. Он забирался в большой старый шкаф, плотно закрывал дверцы, сидел, притаившись, и думал о чем-нибудь. Сегодня так крепко задумался, что даже заснул.

А проснулся не в шкафу, а на лесной поляне под зеленым дубом. А рядом были эльф и гном и смотрели на него с удивлением. Если бы кто-то сказал еще двадцать минут, нет, теперь уже целых полчаса назад, что такое может быть, Илья бы не поверил.

– И что же мы будем делать теперь? – спросил Нок, совсем растерявшись от такого непредвиденного поворота событий.

– Не знаю, что ты будешь делать, а я вернусь в город, – равнодушно пожала плечами Тарилор.

Вот ведьма! Как есть – эльфийская ведьма. И никакого сладу с ней нет и со всеми этими эльфами.

– Мы тогда тоже возвращаемся, – объявил Нок.

– В смысле: мне надо назад? – Илья оглянулся на дупло, чернеющее в стволе дерева.

– Как? – Тарилор в недоумении подняла тонкие брови. – Только Чародей знает, как открывается эта дверь. Ты через нее как-то проскочил, но назад уже не вернешься. Во всяком случае, без помощи Гвендаля.

– Тогда можно мне с вами? – робко спросил мальчик.

– А как же иначе? – воскликнул Нок, воодушевляясь. – Раз уж ты, Рассказчик, собственной персоной к нам пожаловал, мой шеф захочет познакомиться с тобой. Пойдем в город.

– Может, поедем? – не совсем охотно, но все же предложила Тарилор. – Мой единорог может выдержать троих. Тем более вы оба такие маленькие, за одного сойдете.

И тут найдет, чем поддеть!

– Покорнейше благодарим, госпожа, – сухо ответил Нок. – Мы, гномы, любим ходить пешком.

– И боитесь лошадей, – насмешливо добавила эльфийка.

– Не любим, – с достоинством уточнил Нок. – Пешком ходить полезно, юноша. Кстати, как тебя зовут?

– Илья, – ответил мальчик.

– Э-ли-а, – с трудом выговорил гном. – Элиа... Да уж, заковыристое имечко. Подходящее для известного писателя.

– Такого уж известного? – удивился Илья.

– Уж не без того, – усмехнувшись в усы, подтвердил Нок. – Между прочим, благодаря моей сообразительности. Когда три года назад Гвендаль дал мне почитать твою первую книгу – про речных фей, я решил показать ее Себастьяну. Шеф только начал читать, сразу решил, что это нужно печатать. И вот уже несколько лет твоими историями зачитывается весь Ильраан. Да и Аладан, и Ридэль тоже. А может, и Занбаар.

– А я-то считал свои истории глупыми, – не веря своим ушам, проговорил Илья. – Гвендаль даже и не сказал, что ко мне давно уже слава пришла. Он вообще многого не сказал.

Тарилор ехала по тропе, пустив единорога шагом, а Илья с Ноком шли рядом. Шагая по лесу между эльфом и гномом, Илья никак не мог убедить себя, что все это случилось с ним на самом деле. «Уж не во сне ли я?» – думал он.

Его спутники тоже предавались размышлениям. Нок терялся в догадках о том, куда запропастился Гвендаль, а о чем думала Тарилор – было совершенно неясно. Эльфы редко рассказывают о своих мыслях.

В молчании троица спустилась с холма, перебралась через ручей, миновала березовые кущи, ельник и сосняк и вышла на широкую просеку, идущую под уклон.

– Почти добрались, – счастливо пропыхтел Нок.

Он порядком устал, стараясь идти в ногу с голубым единорогом, но показывать этого ни за что не желал. Рядом в чаще затрепетали птичьи крылья, и на просеку вылетел лесной дрозд. Он сел Тарилор на плечо и наклонил к ней пернатую головку. «Клюнул бы он эту задаваку прямо в ухо», – мстительно подумал Нок, отирая ладонью пот, градом катившийся по лбу. Но дрозд клеваться не стал, только пошевелил клювиком, словно пошептался с Тарилор, и улетел в лес.

– Дальше пойдете одни. Меня ждут. Прощай, Рассказчик Элиа, приятно было познакомиться, – сказала Тарилор, развернула единорога и ускакала.

– Эльфы, эльфы, – неодобрительно покачал головой Нок. – Не связывайся с ними, дружок. Уважения ни на грош, только и дерут носы кверху. Пошли, без нее мы дойдем быстрее.

Он плюнул на след подковы, оставленный единорогом на тропинке, и решительно зашагал вперед.

– Не отставай, – сказал он, обернувшись к Илье. – Мы с тобой идем в гости к лучшему в мире книгоиздателю, в столицу Страны Чародеев, самый красивый город на свете. Ты увидишь реку Ильрадан и дворец наших царей. Знаешь, я на той неделе видел царицу! Она ехала по городу со свитой. На ней было платье из серебряной парчи, а грива ее белого коня вся была убрана шелковыми лентами. Такая красота! Сколько тебе лет? Тринадцать? Значит, ты плохо рос. Выглядишь от силы на двенадцать с половиной.

Илья чувствовал, что изнутри его прямо лихорадит. И с каждым шагом это ощущение росло. Он все больше убеждался, что попал в другой мир. Все здесь выглядело по-другому: причудливые изгибы холмов, яркая зелень листвы и трав, прозрачная небесная лазурь. Иначе, заливисто и весело распевали птицы в лесной тишине, непривычными казались медовые запахи цветов, долетавшие с порывами теплого ветра.

«Это потому, что я сплю», – окончательно убедился Илья, краем уха слушая болтовню гнома и жадно всматриваясь в окружающий пейзаж, уже окутанный голубоватой вечерней дымкой. – «Только бы не просыпаться подольше и запомнить все, чтобы записать».

Дорога все больше спускалась под гору, лес редел и, наконец, отступил совсем. Взорам двух путников открылась раскинувшаяся внизу долина. В лучах вечернего солнца среди сочных лугов лентой вилась река, а в ее излучине стоял большой город. За стенами из розового камня сияли золотые купола, и цвели белые жасминовые сады.

– Ильрагард! – с гордостью объявил Нок. – Вперед, господин Рассказчик! Спустимся в долину, и мы на месте. Издательство «Веселый гном» находится в центре города на Площади с Фонтаном. Где же еще находится лучшему издательству в стране? Уже вечер, но мой шеф Себастьян меня ждет. С книгой, конечно, не вышло, но зато я веду тебя.

Гном резво побежал с горки вниз, Илья поспешил за ним. Под их ногами земляная тропинка пересекла луг и превратилась в широкую дорогу. Дорога заканчивалась у каменного моста с резными перилами и фонарями из красно-синего стекла. Далеко внизу под его сводчатыми опорами бежала река.

Мост вел прямо к воротам Ильрагарда. Они были еще открыты, за ними виднелась улица, вымощенная красным кирпичом, с домами из розового камня и цветными стеклами в окнах.

Илья невольно вытянул шею, чтобы лучше разглядеть город, который раньше считал выдуманным.

– Не выпить ли нам за знакомство доброго светлого эля?

– Я не пью, – степенно ответил Илья.

Сейчас, когда поблизости не было Полины, соблазн безнаказанно попробовать пива был очень велик. Но проклятый здравый смысл, тот самый, который не давал окончательно поверить в реальность происходящего, этот здравый смысл велел Илье отказаться от предложения хозяина издательства «Веселый гном».

– Мудро, – одобрительно заметил Себастьян.

По сравнению с офисами, которые показывают в сериалах, его кабинет выглядел как-то причудливо. Одну стену почти полностью занимал большой-пребольшой камин. На нем стояли тяжеловесные бронзовые подсвечники в виде грифонов, у которых прямо из головы торчали свечи.

Резные массивные шкафы были полны книг, и все они были в сафьяновых и бархатных переплетах с застежками или тесемками. Стулья для посетителей были разного размера. Большие для людей, маленькие для гномов и прочего низкорослого народа.

Илью Себастьян с уважением усадил на один из больших стульев для людей, хотя он вполне неплохо устроился бы и на маленьком гномьем стульчике. Сам Себастьян уселся за свой письменный стол в огромное кожаное кресло. И стол, и кресло были сделаны по человеческим размерам, поэтому Себастьян забирался на кресло с помощью скамеечки для ног, а чтобы его было получше видно над столом, подкладывал на сиденье несколько подушечек.

Получалось забавно, особенно потому, что сам Себастьян выглядел очень внушительно – полный, важный, с густой седой бородой. И одевался он совсем не так, как гномы на картинках в сказках – ни тебе колпака, ни яркой курточки, ни коротких штанишек. Совсем даже наоборот, добротный темно-коричневый костюм, блестящие ботинки, жилет с золотым шитьем, из кармана которого торчала серебряная цепочка от часов.

– Ну, тогда ромашкового чаю, – сказал Себастьян. – Прекрасно успокаивает нервы. Мне сейчас не помешает. Я очень взволнован этой встречей, дорогой господин Рассказчик. Гвендаль напустил столько таинственности вокруг вашей персоны, я уж и не знал, что вообразить.

– И теперь вы разочарованы? – со смущенной улыбкой спросил Илья.

По удивлению, с которым его встречали все вокруг, он решил, что Рассказчик представлялся жителям Ильяраана взрослым и солидным, настоящим писателем.

– Нет, я очень рад, что вы оказались именно таким. Человеком простым и приятным в общении, – старый гном проворно спрыгнул с кресла и полез в буфет за чашками.

В камине быстро вскипел подвешенный над огнем блестящий чайничек. Вместе с чашками на столе появилась корзиночка с миндальным печеньем и варенье в вазочке.

– Значит, Гвендаль даже не сказал вам, что отдал ваши книги в печать, и что они нравятся читателям? – спросил Себастьян, разливая по чашкам душистый ромашковый чай. – Он всегда секретничает.

– Нок говорил, что мои книги здесь любят, но я думал, что он преувеличивает, – скромно сказал Илья, взяв из корзиночки печенье.

– Ни капельки! – возразил Себастьян, подув на чай. – Они продаются на ура. Но, надеюсь, вы не думаете, что я прикарманил все денежки? Нет, господин Элиа, все это время я клал в банк на ваше имя причитающийся вам гонорар. И сумма набежала немалая. Пожалуй что можете теперь и не работать.

Илья поперхнулся чаем.

– Что, совсем? – удивился он. – И даже на почте?

– А, так вы любите почтовых голубей? – спросил Себастьян. – Тогда заведите голубятню и, знай себе, пишите книги. Уверен, они будут и дальше пользоваться успехом. В ваших историях есть нечто... – он раздумчиво почесал в бороде. – Да, именно нечто. Хотя оно и понятно. Ваши родственники по материнской линии все сплошь чародеи.

– А вы знали мою маму? – разволновался Илья.

– Довелось. Она с детства была непоседой. Ваш дедушка Витольд уж на что был перво-классный чародей и то не доглядел. Анна однажды вдруг сбежала из дому и исчезла. Гвендаль только потом узнал, что она попала в другой мир и там вышла замуж, а до того страшно переживал. Он сам в ту пору был еще ребенком – всего-то лет семьдесят пять.

– Семьдесят пять? – ахнул Илья. – А сколько же ему сейчас?

– Тоже не так уж много. От силы лет сто, – ответил Себастьян. – Для чародея самые цветущие годы. Да... – он вздохнул, погружаясь в воспоминания. – Гвендаль долго искал вашу маму в самых разных местах, а нашел уже вас. Ну, не будем о грустном. Сейчас я запишу для вас номер вашего счета в Кубышке. Это самый надежный банк в Ильягарде. Спрячьте хорошенько.

Себастьян достал из кармана толстую записную книжку и нацарапал пером на страничке несколько цифр. Илья мельком взглянул на протянутый ему листок и машинально сунул в карман. «Гвендааль искал вашу маму, а нашел уже вас», – эти слова гнома почему-то до сих пор звучали в ушах, и от них перед глазами все подернулось дымкой.

– Ну вот, вы совсем приуныли, – с сочувствием заметил Себастьян. – Давайте-ка я вас чуточку развеселю. Вы ведь еще не видели свои книги напечатанными? Вон, взгляните, на четвертой полке у окна.

Илья подошел к шкафу. Из окна на корешки книг падали яркие отблески заката. Мальчик провел по ним ладонью.

– «Тайна маленькой феи», «Приключения эльфов из Северного леса», «Белый рыцарь на Востоке», – прочел он вслух знакомые названия. – И все другие приключения Белого рыцаря. И еще «Драконья гора» и «Заколдованный замок». Неужели здесь все, что я написал?

– Я же говорю: можете больше не работать, – довольно усмехнулся Себастьян.

– Нет, я точно сплю, – прошептал Илья, снова почувствовав, что перед глазами стоит туманная дымка, но на этот раз уже от радостного волнения. – Вот бы не просыпаться никогда!

– Я рад буду напечатать что-нибудь еще, – сказал Себастьян. – Многие издательства примут вас с распростертыми объятиями, но я надеюсь, что вы отдадите предпочтение другу вашего дяди, который с самого начала верил в вас. Но к этому разговору вернемся позже. Время уже к ночи, пора подумать о ночлеге. Я вызову коляску, вас отвезут в дом Гвендаля. Он недалеко, за Южными воротами в долине, Нок вас проводит. Кто знает, может, Чародей уже объявился и ждет вас там?

Смеркалось, когда открытая коляска, запряженная парой рыжих лошадей, выехала из Южных ворот Ильрагарда на мост, такой же длинный, как тот, который вел к Северным воротам. За мостом коляска проехала по дороге, поднялась на холм и остановилась у калитки в низкой живой изгороди.

Над калиткой горели два желтых фонаря. Дом с большими окнами, квадратными, круглыми, многоугольными, видневшийся в саду за изгородью, утопал в сиреневых сумерках. Свет в окнах не горел.

– Вот и приехали, – сказал Нок Илье, вылезая из коляски и подходя к калитке. – Похоже, все спят. Эй, открывайте! Приехал племянник хозяина!

Он заколотил по калитке подвешенным к ней молоточком. На стук откликнулись не сразу. Несколько минут стояла тишина, потом за изгородью по садовой дорожке зашлепали шаги, и сердитый скрипучий голос ворчливо спросил:

– Кто это ломится в такой час? Вот сейчас спущу собак!

– Не врете, уважаемый, собак у Гвендаля нет, – храбро возразил Нок. – И мы не ломимся, а стучим. К господину Чародею приехал гость. Он издалека и очень устал.

По поводу усталости гном малость приврал. Несмотря на поздний час, Илье совсем не хотелось спать. Он был уверен, что и так спит, и боялся пропустить даже малейшую подробность своего сна. Но выступление Нока, тем не менее, произвело должное впечатление.

– Гости в такой час? – недовольно проговорил сердитый голос, и калитка немного открылась.

В глаза Ноку и Илье ударил свет фонаря в виде совы с распростертыми крыльями. Фонарь держал некто повыше их ростом, но недостаточно высокий для человека.

– Приходит гном, и дом вверх дном, – сказал хозяин сердитого голоса, осветив фонарем Нока, и направил луч на Илью. – О, господин Элиа, так это вы! Этот гном так много и бестолково кричал, что я ничего не понял. Прошу прощения, входите скорей.

Калитка тут же широко открылась, а сердитый господин с фонарем отошел в сторону, пропуская Илью в сад.

– Ну, ладно, спокойной ночи, – сказал Нок, оставшись у калитки. – Я поручение Себастьяна выполнил, тебя домой доставил, теперь пойду, пожалуй.

– Коляска-то уже уехала, – растерянно заметил Илья.

– Ходить пешком полезно, – назидательно заметил Нок. – И вы, если бы чаще гуляли, не были бы таким злым, сударь.

Он поклонился господину с фонарем и зашагал по дороге обратно в город. Вскоре его коренастая фигурка пропала за поворотом. Илья помахал гному рукой и вошел в темный сад.

– Пойдемте в дом, господин Элиа. Сейчас зажжем свет, будут готовы ужин и постель, – сказал сердитый незнакомец уже не так сердито и посветил фонарем на дорожку. – Долго ждать не придется. Ваша комната и так уже готова.

– Вы меня знаете? – удивился Илья, стараясь разглядеть в вечерних сумерках своего собеседника.

– Гвендаль предполагал, что вы можете скоро появиться, и дал мне соответствующие указания, – ответил тот. – Идемте.

Миновав тихий темный сад, они вошли в дом. В гостиной спутник Ильи зажег свечи, и теперь мальчик мог получше его разглядеть. У сердитого господина оказалось худое, с резкими чертами лицо, сероватая кожа в бугорках и пупырышках, хищно загнутый нос и маленькие пронзительные глазки.

Голова у него была непропорционально большая, седые волосы топорщились во все стороны. Из острых оттопыренных ушей росла щетина, торчащий подбородок украшала бородка клинышком. Ногти на крупных морщинистых руках больше напоминали когти. Илья сразу понял, кого видит перед собой, но, опять же, не смог до конца поверить своим глазам.

– Вы же... вы же гоблин! – изумленным шепотом воскликнул он.

– Смею добавить городской, воспитанный и совершенно неопасный гоблин, – поклонился жутковатый господин и зажег на столе лампы. – И говорите мне «ты». Когда Гвендаль обращается ко мне на «вы», значит, он чем-то недоволен.

– Хорошо, – согласился Илья. – А как тебя зовут?

– Урдальф к вашим услугам, – ответил гоблин и придвинул к столу стул с высокой резной спинкой и мягкой подушечкой на сидении. – Я, конечно, не всегда вел размеренную и тихую столичную жизнь, как теперь. С Гвендалем мы встретились в Занбаргардских горах, когда я состоял в шайке разбойников, своих соплеменников. Гвендаль тогда впервые отправился в путешествие высоко в горы, но и в то время он уже был малый не промах. С ним было пятеро гномов. Вредный народец, я вам доложу! По мне лучше десять эльфов или три тролля, чем один такой болтливый шустряк. Гвендаль с гномами обратили нашу шайку в бегство, остался один я. Не успел убежать. Чародей взял меня в плен и привез с собой в Ильрагард.

– Вы, то есть ты, его пленник? – поднял брови Илья, дивясь услышанному.

– Нет. В пути мы подружились, нашли интересные темы для разговора, общие знакомые там и сям. Гвендаль предложил мне управлять его домом, присматривать за всем, пока он в разъездах. Тем и занимаюсь уже двадцать лет.

– Двадцать лет, – повторил Илья. – Здесь у вас какое-то другое время, наверное. Трудно привыкнуть.

– Привыкнете, – пообещал Урдальф.

Гоблин подал Илье ужин, показавшийся сытным и обильным: чай, пирог с индейкой, печеный картофель, салат, булочки с повидлом. Илья же был так переполнен впечатлениями, что есть ему совсем не хотелось.

– Что-то аппетит у вас неважный. Оттого вы и худенький такой, – с сожалением заметил Урдальф. – Пойдемте, покажу вам вашу комнату. О делах завтра поговорим. Утро вечера мудренее.

«Так всегда говорят в сказках, – подумал Илья, ступая вслед за гоблином по темному коридору. – Значит, все действительно ненастоящее. Как жаль, тут все так здорово!» Пожелав спокойной ночи, Урдальф отдал Илье лампу.

В комнате было окно почти во всю стену. Перед ним сад расступался, словно для того, чтобы можно было увидеть Ильягард. Поблескивая в темноте огоньками окон, он раскинулся у подножия холма далеко внизу.

Погасив лампу, Илья какое-то время любовался городом за окном, потом разделся и лег в кровать. За минуту до этого ему совершенно не хотелось спать, но едва лишь голова коснулась мягкой подушки, мальчик почувствовал, что мысли путаются, а глаза сами закрываются.

«Чудесный все-таки мне снится сон. Жаль, когда проснусь завтра утром, ничего этого уже не будет. И Марина опять будет вопить, что я опаздываю в школу, а она не занималась меня будить», – подумал Илья, накрылся одеялом и уснул.

Стеклянный шар

Тарилор четыре дня скакала без остановки по дороге из красного кирпича, чтобы выполнить поручение, которое ей дали. Она мчалась во весь опор верхом на единороге по полям, лугам, лесам до тех пор, пока не добралась до самой границы.

Дальше на востоке было лишь бесконечное Море, окруженное острыми высокими скалами. А на скалах примостился Ергланд – последний большой порт Ильраана в Невозвратной гавани. Город из серого камня с острыми шпилями на высоких башнях насквозь был продуваем солеными морскими ветрами.

Корабли с надутыми парусами под разноцветными флагами стояли у пристаней в порту. На булыжных мостовых маленьких площадях и узких улочек толпился пестрый люд со всех концов Дивного Края. На одной такой узкой улочке, на крутом уступе скалы Тарилор нашла нужный дом и постучала в дверь.

– Я ищу Восточного Колдуна, – сказала она открывшему дверь высокому пожилому мужчине с черной бородой, одетому в свободную темно-синюю мантию. – Я вестник, приехала из Ильрагарда с важным поручением.

С этими словами эльфийка показала ему символ своих полномочий – маленькое золотое яблоко на цепочке.

– Я – Ютас, Восточный Колдун, – с достоинством сказал человек в синей мантии негромким, но звучным голосом. – Входите и рассказывайте, что у вас за дело.

Чародей впустил Тарилор в дом и по узкой винтовой лестнице провел ее в башню. Из круглых окон залы на самом верху открывался вид на город и синюю гладь моря, сливавшуюся у горизонта с небом.

Зала служила Ютасу лабораторией и кабинетом. Книжные шкафы в углах ломились от волшебных книг и древних манускриптов. Посередине стоял письменный стол, заваленный свитками заклинаний, и несколько приставных столиков с нагромождением колб, реторт и пузырьков с колдовскими эликсирами.

Ютас сел в кресло с высокой спинкой у письменного стола и предложил Тарилор сесть напротив в другое такое же. Восточный Колдун был уже немолод, его густые, почти сросшиеся брови и черная борода были тронуты сединой.

– Ваш знак вестника – Яблоко Царей, – проговорил он, озабоченно хмурясь. – Значит, вас прислал регент. Что-то случилось в Ильрагарде? У царицы неприятности?

– Да, меня прислал Агенор, – подтвердила Тарилор. – У меня от него послание. Он сказал, вы знаете, как его прочесть. Ответ Агенор просил передать на словах.

Тарилор достала из кожаной торбочки, висевшей у нее на поясе, стеклянный шар и положила его на стол перед чародеем.

– Да, это мне знакомо, – Ютас кивнул головой, свел густые черные брови над переносицей, словно задумавшись, потом пристально посмотрел на шар и сказал негромко, но властно: «Irulas ara taolas! Застывшая мысль, стань ожившим словом!»

Шар помутнел, потом начал светлеть изнутри, и в нем появился статный седой человек в бархатной лиловой мантии, шитой золотыми звездами.

– Здравствуй, Ютас, это я, Агенор, Верховный Чародей Ильраанских царей, – сказал он. – Что-то происходит. Я думаю, ты уже знаешь об этом. Мне нужен твой совет. Все, что ты думаешь, расскажи подателю письма.

Сказав так, человек в лиловой мантии исчез, шар опять помутнел, а потом снова стал обыкновенным стеклянным шаром.

– И все, – усмехнулся в бороду Ютас. – Письмо как раз в духе Агенора.

– Да, довольно туманно, – согласилась Тарилор, озадаченная такой таинственностью своего патрона. – Но вы ведь знаете, что он имел в виду?

– Разумеется, – с улыбкой человека, осознающего собственную проницательность, сказал Восточный Колдун. – Агенор обратился по верному адресу. И поступил правильно, не доверив подробности волшебному посланию, которое неизвестно кем может быть прочитано, – при этих словах улыбка исчезла с его сурового лица. – Гораздо надежнее передать весть с верным человеком. А лучше с эльфом.

Слова Колдуна прозвучали не менее туманно, чем текст послания из шара, но от этого они казались только тревожнее.

– Так рассказывайте, – начиная беспокоиться, попросила Тарилор.

– Так запросто всего и не расскажешь, – вздохнул Восточный Колдун, в хмурой задумчивости глядя в окно на кружащих над морем чаек. – Что-то не так. Странные вещи происходят с чародеями в последние дни. Одни собираются уплыть на Восток, другие вдруг пропадают без следа. Почему – непонятно. Никто ничего не объясняет. Странности лишь множатся. В городах Ильяана, в деревнях и на дорогах появились некие люди – серые, неприметные. Слишком неприметные, чтобы их не заметить. Они ищут, высматривают что-то или кого-то. Потом оглянешься, а их и след простыл.

– Вы их видели? – спросила Тарилор.

– Мне о них рассказывали, – ответил Ютас. – В наш город стекаются все путешественники Ильяана и Занбаара, приезжают из Аладана и даже из Армаиса. Ергланд собирает все новости. Слышал я также, что по лесам расплодились волки-оборотни.

– Сказки, – недоверчиво усмехнулась Тарилор.

– Рассказывают, что особенно много их развелось в Темноборье, – словно совсем задумавшись и не расслышав ее слов, продолжал чародей. – Поселяне в соседних с Темноборьем деревнях даже боятся после захода солнца находиться на левом берегу Альды.

– Чушь, – уверенно проговорила Тарилор. – По дороге сюда я проезжала пятью милями восточнее Темноборья и даже не слышала ни о каких оборотнях, а не то что уж их видела. Волки-оборотни не водятся в лесах Ильяана с тех пор, как случился Великий Раскол. Но в то время зло было живо.

– Возможно, в этом-то и дело, – Ютас словно очнулся от мыслей и живо обернулся к эльфийке. – Зло пробудилось. Не знаю, по чьей воле, с какой целью, но не сомневаюсь, что это не сулит нам ничего хорошего.

– Исчезающие чародеи! – воскликнула Тарилор, пораженная пугающей догадкой. – Неужели снова готовится раскол?

– Хорошо если только это, – с мрачной иронией усмехнулся Ютас. – Страшно, когда кто-то из чародеев переходит на ту сторону, но куда страшнее раскола шатание. Когда это происходит, ты не знаешь толком, кто твой друг, а кто враг.

– Я плохо помню времена Великого Раскола, – грустным эхом отозвалась Тарилор, неприятно пораженная словами Колдуна. – Мне тогда было всего девяносто семь, я думала только об игрушках, как все дети. А когда началась война, родители отправили меня в горы, в Парладор. Но, может статься, все не так страшно, как вам кажется?

– Хотелось бы мне ошибаться, – вздохнул чародей и, оживившись, добавил. – А что по поводу всего этого думает Гвендаль? Агенор говорил с ним?

– Гвендаль исчез, – грустно ответила Тарилор. – Он должен был вернуться еще пять дней назад, но его до сих пор нет.

– Гвендаль исчез? – воскликнул Восточный Колдун, приподнявшись с кресла. – Тогда у нас и впрямь неприятности. Передайте Агенору, что объяснений у меня пока нет. Но я постараюсь выяснить, с какой напастью мы имеем дело. Я пошлю за новостями к своим братьям

Западному и Северному Колдунам. Возможно, им известно больше, чем мне и Верховному Чародею. Пусть и он сам известит меня, когда узнает что-то новое.

С этими словами он встал, давая понять, что разговор окончен.

– Я передам ваши слова, – пообещала Тарилор, поднимаясь с кресла. – А по пути заеду в Темноборье. У меня достаточно стрел с серебряными наконечниками, если слухи о волках-оборотнях окажутся правдой.

Покинув дом чародея, Тарилор пошла вниз по улице. Подъемы и спуски мостовых в Ергланде были слишком крутыми. То и дело, чтобы попасть с одной улицы на другую, приходилось подниматься по ступенькам высоких каменных лестниц, поэтому единорога Тарилор оставила у коновязи в гостинице «Бойцовский петух».

Когда эльфийка сворачивала за угол, по камням тротуара мимо нее прокралась юркая серая тень. Погруженная в свои мысли, Тарилор сначала просто прошла мимо, но, сделав несколько шагов, спохватилась и поспешно обернулась. Однако странная тень уже исчезла. И невозможно было понять, существовала она на самом деле или только почудилась.

Тарилор покинула Ергланд со смешанными чувствами. С одной стороны, Восточный Колдун был слишком могущественным и уважаемым чарореем, чтобы относиться к его словам с недоверием. Но с другой – Тарилор не хотелось верить в возвращение времен, когда добро и зло вели между собой войну, далеких темных времен, ставших смутным воспоминанием.

Да и здравый смысл подсказывал эльфийке, что опасность, возможно, сильно преувеличена, а предвещающие беду рассказы о таинственных серых незнакомцах, исчезающих чародеях, волках-оборотнях могли оказаться всего лишь выдумкой.

– Гвендаль мог бы во всем разобраться. Куда же он делся? – с досадой проговорила Тарилор, выезжая из ворот города на своем синем единороге.

Дорогой она то и дело возвращалась мыслями к разговору с Колдуном. В Ильрагарде ждали от нее ответов на заданные вопросы, а она везла с собой только новые вопросы без ответов.

Тарилор решила проверить хотя бы слухи о волках-оборотнях. Поэтому на второй день пути она свернула на запад в том месте, где Главная дорога проходила через Изогнутый мост над Альдой и делала петлю, оставляя в стороне густые чащи Темноборья и Темноборский брод – речное мелководье, которое можно было пересечь даже пешком. Разминувшись с Главной дорогой, эльфийка выбрала прямой путь, ведущий к лесным чащобам.

«Проеду краем леса, не слишком углубляясь в чащу. А заодно срежу путь», – сказала себе Тарилор. День был в разгаре, когда она направила единорога на неширокую проселочную дорогу, убегающую через зеленые поля туда, где вдалеке темнел зубчатой полоской лес.

Солнце светило весело, ветерок разгонял на небе легкие облака. В высокой траве оживленно стрекотали насекомые, сельский пейзаж вокруг дышал миром и покоем. Минувя поля, дорога тянулась затем вдоль кромки леса под сенью вековых деревьев. Они склоняли свои зеленые ветки, образуя тенистый навес над головой эльфийской всадницы.

Тарилор не сразу заметила, что в лесу слишком тихо для ясного весеннего дня. Только когда дорога начала постепенно забираться в лесную глушь, она поняла, что слишком немая и гулкая тишина стоит вокруг.

Под сводами леса не пели птицы, не шумели родники. Ветер не шевелил листву на деревьях. Только гулко постукивали по дороге копыта единорога, и позвякивали колокольчики в его голубой гриве.

На Тарилор гнетущая тишина Темноборья произвела болезненное впечатление. Ее душа – душа лесного эльфа тревожно сжалась от такого мрачного запустения. «Кажется, тут и правда не все ладно», – поняла она.

Дорога, между тем, постепенно сужалась и вскоре превратилась в едва заметную тропинку. Тарилор все труднее становилось ехать верхом. Ветки цеплялись за одежду, за гриву и хвост единорога, норовили хлестнуть по лицу или впиться прямо в волосы, словно руки какого-то злобного существа. И все это тихо, без единого шороха или хруста.

Лес вокруг менялся на глазах. Пологие холмы сменились глубокими оврагами и кочками, а ровные поляны непролазными зарослями колючих кустов. Могучие деревья поднимались все выше и закрывали солнце. Их стволы недобро поскрипывали в тишине, словно они собирались упасть и придавить непрошеного гостя – заплутавшего путника.

«Дальше не проехать, надо бы повернуть назад», – подумала Тарилор. С тревожным чувством она огляделась вокруг и увидела, что забралась далеко в чащу. Опушка давно исчезла из вида. Если сначала в просветах между деревьями мелькали поля и синее небо, то теперь вокруг была лишь непроглядная стена леса.

А день, внезапно обнаружила Тарилор, клонился к вечеру. «Как я, дитя лесного народа, могла так заблудиться в лесу, да еще позабыть о времени?» – спросила себя Тарилор, немного растерявшись. Она уже собралась повернуть единорога вспять, как вдруг услышала рядом дребезжащий голос:

– Молодая барышня заблудилась в нашем лесу? Нужна моя помощь?

В нескольких шагах впереди на тропинке стояла сгорбленная годами маленькая старушка в бедной, но опрятной одежде: вязаной шали, накинутой поверх платья и чепце с оборками. Опираясь на суковатую палку, старушка несла на спине вязанку хвороста.

– Ах, извините, не разглядела, – близоруко сощурившись, сказала она, разглядывая Тарилор с любопытством. – Я думала, что вы обычная девушка, а вы эльф. Стара я стала, вижу плохо, потому и не узнала. Да в нашем лесу давно и не живут эльфы. И никто не живет, осталась только я, старая, да мои внуки.

– Вы здесь живете, сударыня? – удивилась Тарилор.

– А то как же, – закивала старушка. – Почитай всю жизнь. Здесь, наверное, и помру.

Она, кряхтя, передвинула вязанку с одного плеча на другое, согнувшись при этом еще больше.

– Давайте я вам помогу, – пожалела ее Тарилор, забрала вязанку и перекинула поперек седла.

– Уж сделайте одолжение, добрая госпожа, – обрадовалась старушка. – Домишко мой тут рядом. Посидите у нас, отдохнете. Лучшего травяного чая, чем у меня, вы нигде не попробуете! А коли хотите, оставайтесь ночевать. Скоро смеркаться начнет.

– Нет, спасибо. Мне нужно до заката выехать на Главную дорогу, – отказалась Тарилор.

– Ну тогда я вам покажу, как выехать к Темноборскому броду, – закивала старушка. – Оттуда доедете до Альдина, а там и до Главной дороги недалеко.

С этими словами она зашагала по тропинке налегке, а Тарилор поехала за ней. Вскоре непроглядная глушь стала светлеть впереди, и тропинка вывела старушку и Тарилор верхом на единороге на поляну, окруженную плотной стеной леса. На краю поляны под зонтиком могучей вековой ели стоял старый, выросший в землю почти по самые окошки домик с камышовой крышей. В сгустившихся сумерках за окошками приветливо теплился свет.

– Оставьте вашу красивую лошадку в стойле, – сказала старушка, указав на пристроенный у стены дома навес, где виднелись лошадиные ясли, и вошла в маленький палисадничек перед входной дверью.

Тарилор спешила, привязала единорога, взяла вязанку хвороста и пошла за старушкой в дом. Сразу за дверью оказалась маленькая горница, бедная и немного темная, но чистая

и уютная. В большом очаге горел огонь, на столе, накрытом клетчатой домотканой скатертью, стояла вазочка с полевыми цветами и масляная лампа. В комнате за рукодельем сидели три молоденькие девушки, одетые так же, как их бабушка, небогато, но опрятно. Две из них вязали, сидя за столом, третья у окна склонилась над прялкой.

– Бабушка вернулась! – обрадовалась самая старшая по виду девушка, вставая и откладывая вязание. – Мы уже волноваться начали, ведь скоро ночь.

– Все в порядке, – с улыбкой ответила старушка. – У нас гости, мои девочки.

– Значит, нужно заварить чай и накрыть на стол, – сказала средняя девушка и тоже отложила вязание в сторону.

– Ой, эльф! – простодушно удивилась младшая, сидевшая за прялкой, подошла к Тарилор и с поклоном забрала у нее хворост.

– К нам редко кто заходит, – добродушно усмехнулась хозяйка, поставив свою палку в угол за дверью и надев широкий передник. – Боюсь, не замучили б они вас расспросами.

Темноборский брод

Чай из трав, которые старушка собирала в Темноборье, оказался и вправду необыкновенно вкусным. А ужин проголодавшейся за день Тарилор подали простой, но сытный. Внучки хозяйки с удовольствием прислуживали за столом удивительной гостье, случайно заехавшей к ним издалека, и все расспрашивали о жизни в Ильрагарде и новостях за пределами дремучего леса.

– Не страшно вам в этой глуши? – спросила Тарилор у старушки, которая сидела в кресле на другом конце стола и штопала чулок.

– А чего мне бояться на старости-то лет? – ответила старушка, подняв голову от работы. – Разве что за моих девочек. Здесь им не место. Я все хочу, чтобы они перебрались жить за реку, в деревню, но они и слушать не хотят. Видно уж как умру, тогда...

– Какие вы вещи нехорошие говорите, бабушка! – возмутилась Роза, старшая из внучек старушки.

– Жизненные вещи говорю, – строго ответила та. – Чем спорить, лучше бы подлила нашей гостье еще чаю.

Девушка послушно встала и пошла к очагу, над которым кипел жестяной чайник.

– Но я слышала, что в Темноборье развелись волки-оборотни, – заметила Тарилор.

– Тогда бы за порог нельзя было выйти, – отозвалась средняя внучка Лили, снова севшая за вязание. – А бабушка всегда гуляет по лесу одна.

– А может, все-таки запереть дверь на ночь покрепче? – встревожилась младшая внучка Маргарита.

– Не пугайте нашу маленькую маргаритку историями про оборотней, госпожа, – ласково улыбнувшись внучке, попросила старушка. – Она у нас и так пуглива, как овечка.

– Я теперь и сама вижу, что это выдумки, – кивнула Тарилор и подвинула чашку ближе к краю стола, чтобы Розе удобнее было наливать в нее чай.

Когда облачко горячего пара над чаем рассеялось, Тарилор увидела в чашке свое отражение. Она сидела за корявым столом в мрачной и темной комнате. На полках в буфете вместо банок с вареньями и соленьями стояли склянки с ядовитыми снадобьями, с потолка свешивались связки сушеных птичьих лапок и мышиных голов, по углам виднелись пыльные обрывки паутины.

Над очагом кипел котел с каким-то тягучим варевом, а у стола, держа чайник костяными пальцами, стоял скелет в платье и чепце. Два других скелета сидели за прялкой и вязаньем.

Тарилор попыталась разглядеть, кто же сидит напротив нее за столом, но увидела лишь неясную фигуру в плаще, с головой, закрытой капюшоном. От фигуры веяло холодным безымянным ужасом. Тарилор с трудом заставила себя оторвать глаза от отражения в чашке и посмотреть вокруг.

В маленькой уютной горнице, в кресле с чулком и иголкой в руках по-прежнему сидела маленькая старушка, а ее внучки приветливо улыбались заезжей гостье из Ильрагарда.

– Однако вечерет. Пора бы мне и в дорогу, – с показной беспечностью улыбнулась Тарилор и медленно встала из-за стола.

– Уже? Ой, как жалко! – огорчилась юная Маргарита.

– А то стемнеет, и госпожа заблудится, – заметила старушка. – Надо показать ей дорогу, дети.

– Я провожу и объясню, как ехать, – сказала Роза, а Лили подала ей зажженный фонарь.

Выходя с девушкой из дома, Тарилор украдкой нащупала под коротким зеленым плащом торчащий из-за пояса серебряный кинжальчик. Но Роза, как ни в чем не бывало, проводила

ее до навеса, под которым ждал хозяйку голубой единорог, и вышла с фонарем на тропинку в лесу, освещая путь.

– Сверните направо, – сказала она. – Там дорога пойдет шире, и вы быстро доедете до опушки как раз рядом с Темноборским бродом. Я постою здесь, пока вы не доедете до поворота.

Не веря теперь ни единому слову, Тарилор осторожно направила единорога вперед и вскоре оказалась на широкой тропе, удобной для проезда. Проехав по тропе еще немного, эльфийка придержала единорога и оглянулась. Огонек фонаря помаячил в лесу и скрылся, возвращаясь к домику старушки.

– Что за наваждение? – вспомнив зловещую фигуру в темном капюшоне, пробормотала Тарилор. – Неужели мне почудилось?

Стоило эльфийке сесть на единорога и скрыться в лесу, домик на поляне исчез. Теперь под большой елью стояла обросшая мхом землянка с зияющей черной дырой вместо двери.

Внутри нее, в сумрачной комнате с низким потолком все указывало на то, что здесь обитает ведьма, знакомая с темным колдовством. В кресле у стола сидела фигура, закутанная в длинный плащ с капюшоном, вокруг суетились три человеческих остова, одетые в женскую одежду и чепцы.

– Хватит ломать комедию, снимите уже эти тряпки! – свистящим шепотом проговорила темная фигура, взмахнула рукой, и одежда сползла со скелетов на пол, открыв обрывки истлевших саванов, – Откройте мне зеркало и прочь с глаз моих.

Скелеты бросились в дальний угол землянки и дрожащими костяными руками сорвали со стены висевшую на ней темную ткань. Фигура в плаще снова махнула рукой, и один за другим ее мертвые прислужники рассыпались. На полу остались лежать три горстки праха.

– Вы и людишками-то были неважными, – пренебрежительно заметила фигура в плаще и повелительно хлопнула в ладоши. – Орн, я тебя жду!

В полумраке на стене тускло блеснуло узкое зеркало в раме из черненого серебра.

– А чего меня ждать? – язвительно произнес скрипучий надтреснутый голос. – Я уже здесь, Мудрейшая госпожа.

В зеркале вспыхнул бледный свет, и появилось отражение большого зала без окон в мрачном замке. В центре зала стояло обитое черным бархатом кресло. В нем, закинув ноги на подлокотник, сидело безобразное существо в черных одеждах. Скрестив на груди когтистые лапы, оно ухмылялось, обнажая длинные клыки во рту.

Худое бледно-зеленое лицо существа было изрыто глубокими морщинами и походило на иссушенную жарой глинистую почву. Лысую голову покрывали корявые наросты, острые уши угрожающе торчали по бокам черепа.

– Вы знаете, который час, Любезнейшая госпожа? – ехидно осведомилось существо. – Солнце садится. Все приличные люди уже ложатся спать.

– Ты не человек, – холодно ответила темная фигура.

– Конечно, о Догадливейшая госпожа, – кивнуло существо, не оставив игривого тона. – Я – Орн, демон из зеркала. Что вам угодно от меня?

– Здесь был эльф, – недовольно прошипела темная фигура сквозь зубы. – Эльфийка из Ильягарда, ездившая по каким-то делам в Ергланд.

– Здесь был эльф и его отпустили живым? – удивился демон из зеркала.

– Да, именно, – подтвердила темная фигура. – Пришлось устроить маленький спектакль, чтобы себя не выдать. Я не хочу заявить о себе раньше времени, а эта эльфийка могла о многом догадаться. Она расспрашивала, не водятся ли в Темноборье волки-оборотни. Это неспроста.

– Да, неспроста, – с готовностью согласился демон и, подперев лапами острый подбородок, задумался. – Эльфийка могла быть царским вестником, – сказал он, наконец. – И она ездила проверять слухи, неизбежно возникшие в результате вашей блестящей деятельности, о, Коварнейшая госпожа. Мы устранили Гвендаля, потому что он слишком много узнал. Царица могла послать за советом к кому-то еще из мудрейших чародеев. В Ергланде последние пятьдесят лет живет Восточный Колдун.

– Этот старый зануда Ютас, – прошелестела фигура в плаще, согласно кивнув головой, спрятанной под капюшоном. – Ты бываешь очень проницателен, мой верный Орн.

– Для вас тружусь-стараюсь, – с притворным тяжким вздохом ответил демон. – Вы зря оставили в живых эльфийку. У этих тварей чутье на темное чародейство. Она могла что-то почувствовать, у нее могло открыться внутреннее око, и она могла увидеть правду. Нужно было ее сразу убить.

– Ты бываешь проницателен, Орн, да не всегда бываешь умен, – усмехнулась темная фигура. – А вдруг кто-то еще знал, что эльфийка поехала в Темноборье, выяснять насчет оборотней? И вот она там исчезает. Конечно, подумают, что слухи об оборотнях правда. А мне нужно выиграть время, прежде чем я смогу действовать в открытую.

– Но если она обо всем догадалась, Дальновиднейшая госпожа? – озабоченно возразил Орн. – Лучше уж было ее убить.

– А кто сказал, что она останется в живых? – с холодной усмешкой спросила темная фигура – Пусть приедет в Альдин. Там мои верные лесные стражи не могут ее достать: трусливые деревенские жители кругом навешали талисманов от оборотней. Но есть один, который может пройти через амулеты людей. Ульфар ее достанет. Когда она погибнет от его клыков, все решат, что это случайность, и то был вовсе не оборотень, а просто голодный волк.

– И даже очень голодный, – демон пожег в своем кресле, – Не хотел бы я ближе познакомиться с Ульфаром. Но боюсь, что эльфийка не доживет до встречи с ним. Солнце садится. Ваши лесные стражи, о Предусмотрительнейшая госпожа, доберутся до нее раньше.

– Проклятье! – воскликнула фигура в плаще, – Это вполне может случиться. Где она сейчас? Покажи мне ее, Орн.

Лесная тропа стала шире. Кажется, она действительно вела к реке. Но после видения в отражении Тарилор не оставляла тревога.

Солнце садилось, цепляясь за верхушки деревьев, и в лесу пробуждались звуки. Вдалеке тревожно ухнул филин. За спиной послышался неприятный писк, шелест крыльев, и мимо промчалась стая летучих мышей.

Тарилор на всякий случай сняла с плеча лук, вынула из колчана стрелу и наложила на тетиву. Из-за высокого тернового куста послышался шорох. Тарилор остановила единорога и прицелилась в куст из лука.

– Эй, кто там? А ну быстро выходи! – грозно крикнула она.

– Тетя, не стреляйте, это я, – пролепетал тоненький голосок, и из-за куста показалось чумазое детское личико.

Мальчик лет семи, если считать на человеческий возраст, вышел на тропинку, боязливо глядя на Тарилор заплаканными глазами. Следом за ним вышла девочка немного постарше, с видом защитницы взяла его за руку, взирая на эльфийку и ее единорога столь же испуганно.

– Вы откуда здесь взялись? – спросила Тарилор с удивлением и, памятуя о посещении лесного домика, с недоверием.

– Мы заблудились, – с горечью объяснила девочка. – Мы собирали камешки у реки на том берегу. А на этом они были еще красивее. Река там совсем мелкая, вот мы ее и перешли. А потом в лес пошли за малиной.

– А мама испекла пирог яблочный. Соседи в гости пришли, наверное, все уже без нас съели, – пожаловался мальчик со слезами в голосе.

– Вы из Альдина? – спросила Тарилор.

Дети энергично закивали головами. Тарилор задумалась, сомневаясь, верить ли им.

– Я домой хочу, – жалобно моргая, проговорил мальчик.

В темноте где-то неподалеку послышался протяжный вой.

– Волк! – вскрикнула девочка.

– Пора ехать, – отбросив колебания, сказала Тарилор. – Ну-ка, полезайте ко мне на седло.

– Мама не велела ездить с незнакомыми, – нерешительно проговорила девочка, когда ее младший брат взял Тарилор за руку, и она посадила его на единорога впереди себя. – Вот заберут нас эльфы к себе, что тогда?

Тарилор нагнулась и подняла ее вслед за братом.

– Эльфы крадут детей, – проворчала она. – Чушь какая! Зачем нам глупые человеческие дети? И так забот хватает.

Она обхватила детей одной рукой, чтобы не упали, а другой взялась за поводья. Вой раздался уже рядом, справа от тропы. По кустам зашуршали быстрые шаги. Затрещали сухие ветки.

Тарилор похлопала единорога по шее, и он пустился вскачь. Шуршание, шаги, хруст веток слышались теперь то справа, то слева. Тарилор слышала еще и тяжелое частое дыхание за спиной, словно кто-то гнался за ними. Мальчик вцепился дрожащей ручонкой в ее руку.

– Что это, тетя? – испуганным шепотом спросил он.

– Ничего, ничего, – успокаивающе ответила Тарилор, подгоняя единорога.

– А там? – спросила девочка, указывая на обочину дороги. – И вон там!

Тарилор посмотрела туда, куда она указывала. Со всех сторон из темноты на них смотрели горящие глаза. За деревьями, за кустами мелькали неясные силуэты, похожие на огромных волков.

Тени с горящими глазами стекались к дороге. Их громкое хриплое дыхание отчетливо слышалось в тишине. Тарилор подтолкнула единорога коленями, чтобы заставить его скакать галопом. Но это и не требовалось. Почувствовав опасность, единорог испуганно захрапел и помчался во всю прыть.

– Держитесь крепче! – сказала Тарилор мальчику и его сестре. – Нам надо поскорей доехать до брода. За рекой оборотни нас не достанут. Из леса им не выйти.

Из леса нужно было выбраться во что бы то ни стало, и вся надежда теперь была только на единорога. Перескакивая через кочки и вылезшие из земли корни деревьев, он неслся вперед. На тропе за его спиной слышался топот когтистых лап, словно за единорогом гналась свора собак. Дети испуганно зажмурились, чтобы не видеть горящие глаза в темноте.

Впереди показался просвет, а в нем звездное небо. Тарилор похлопала единорога по шее, и он помчался к опушке, уже не разбирая дороги. Ветки опять хлестали по лицу и рвали одежду, но Тарилор все было нипочем. Она видела только звезды, сиявшие на небе в конце пути, и уже слышала, как плещется река на мелководье.

Дети вдруг испуганно завизжали. На дорогу выскочил большущий волк и прыгнул на единорога, собираясь вцепиться ему в шею. Тарилор едва успела схватить волка за загривок и отшвырнуть в сторону. Острые, как лезвия, клыки лязгнули, схватив только воздух.

Оборотень упал, и единорог проскакал прямо по нему. Заскулив, волк остался лежать поперек дороги. Тарилор оглянулась через плечо и увидела, что остальные оборотни, стол-

пившись вокруг, рвут раненого собрата на куски. Мальчик тоже обернулся, было, посмотреть, но Тарилор прикрыла ему глаза рукой.

Вцепившись в неожиданную добычу, волки приотстали. Впереди на дороге показалось поваленное дерево. Единорог сильным прыжком перемахнул через него и выбежал из леса на широкий луг. Над лугом куполом простиралось чистое ночное небо, а впереди в звездном свете блестела Альда.

– Брод! – обрадовано закричали дети.

Поднимая брызги, единорог проскакал по воде на другой берег реки. Тарилор натянула поводья, придержав его быстрый бег, и оглянулась, чтобы посмотреть на Темноборье.

Лес чернел за рекой бесформенной массой. А в его черноте и угрожающе, и беспомощно горели холодные огоньки волчьих глаз. Обратни не могли перейти реку, их силы кончались за пределами Темноборья. Ночную тишь опять прорезал тоскливый вой. Мальчик вздрогнул и поежился. Тарилор успокаивающе тронула его за плечо.

– Теперь все хорошо. Дальше они за нами не погонятся.

Альдин находился на правом берегу реки милях в двух от Темноборского брода. Огороженная высоким плетнем большая деревня с добротными каменными домами под черепичными крышами раскинулась среди холмов, и ее огни были видны издалека.

Когда Тарилор с детьми подъехала к околице, то увидела, что по дороге ей навстречу идет толпа мужчин с фонарями, вооруженная вилами и кольями.

– Там папа! – воскликнула девочка, указывая на человека, возглавлявшего это шествие. – Это нас ищут.

– Ругаться будут, – виновато вздохнул мальчик.

Ругаться никто не стал. Вооружившиеся против оборотней деревенские жители уже не чаяли в такой поздний час найти детей живыми. Когда они увидели, что незнакомая эльфийка верхом на единороге везет детей в деревню, люди восприняли это как чудо, и отец детей, деревенский кузнец не стал сердиться на непослушных отпрысков. Мать же, обняв нашедшихся малышей, на радостях всплакнула и принялась благодарить Тарилор.

– Не нужно благодарности, – сказала эльфийка. – Скажите лучше, где у вас находится гостиница. Мне нужно где-то остановиться на ночь.

– Никаких гостиниц, госпожа! – возразила жена кузнеца. – Вы можете остановиться у нас в доме, мы позаботимся о вас куда лучше, чем в любой гостинице. Это самое маленькое, что мы можем для вас сделать, после того как вы спасли Дари и Лина.

В доме у кузнеца, как уже рассказывал малыш Лин, сегодня вечером устраивалась дружеская вечеринка с пирогом и грушевым сидром. Она затянулась дотемна и была прервана, когда выяснилось, что дети пропали.

Теперь, когда происшествие благополучно разрешилось, праздник был продолжен уже в честь счастливого спасения малышей. Виновников торжества отправили спать, а Тарилор, как их избавительницу, разумеется, пригласили к столу в качестве почетной гостьи.

Эльфы не очень любят компанию людей, но в данном случае отказаться было бы невежливо, и Тарилор согласилась посидеть немного с хозяевами и их односельчанами, съесть кусок яблочного пирога и выпить кружку сидра за здоровье спасенных Лина и Дари.

Было уже немного за полночь, когда гости разошлись. Жена кузнеца стала прибирать со стола, кузнец вышел на крыльцо выкурить трубку. Тарилор вышла вместе с ним и села на ступеньках, глядя на звезды и ожидая, пока для нее приготовят комнату на ночь. Ей нужно было еще задать хозяевам дома несколько вопросов.

– Много оборотней развелось в Темноборье, да? – сказала она, глядя на россыпи созвездий, горящих над крышей дома.

В соседних домах гасли огни. В тишине теплой ночи стрекотали насекомые в саду. С реки время от времени веяло холодком, и по улице вверх ползли ручейки тумана.

– Да, совсем не стало покоя от этих проклятых тварей, – кивнул кузнец, выпуская изо рта колечки дыма. – Скоро уже и днем нельзя будет пройти по лесу. Они никого туда не пускают.

– И давно это началось? – спросила Тарилор.

– С прошлой зимы, – вздохнул кузнец. – Они загрызли мельника, когда он вез мешки с мукой через лес в соседнюю деревню. Так и пошло, что ни день – кого-то не досчитаешься. Мы уже перестали на тот берег ходить.

– А раньше в Темноборье водились оборотни? – спросила Тарилор, прислушиваясь к пению речных лягушек вдалеке.

– Нет, что вы, госпожа, никогда у нас эти твари не водились, – покачал головой кузнец. – Разве что старики рассказывают – во время Великого Раскола, когда война была. Но тогда они ведь не то что в лесу, по всем дорогам шастали. А сюда они не сунутся – мы везде амулеты повесили.

Он показал на заговоренные медальоны, вырезанные из древесины ясеня, качающиеся на шнурках вокруг крыльца.

– Это помогает? – спросила Тарилор и встала со ступеньки, чтобы получше рассмотреть рисунки на медальонах.

– Староста ездил в Ергланд к самому Восточному Колдуну, чтобы он прочел над ними заклинания, – с благоговением ответил кузнец.

– Так вот откуда он знает об оборотнях, – сказала Тарилор самой себе, взяв один из медальонов в руку. – Мог бы сразу сказать и не играть в таинственность. Ох, уж эти мне чародеи!

– Что вы говорите, госпожа? – переспросил не расслышавший кузнец.

Тарилор не успела ему ответить. В темноте затрещали ломающиеся ветки, и из-за соседнего куста сирени выскочил огромный волк. Его глаза тлели в ночи бледным синим огнем, черная шерсть торчала дыбом, со свирепо оскаленных клыков капала слюна.

Волк бросился на Тарилор и сильным ударом передних лап сбил ее с ног. Падая, Тарилор успела вытянуть руку и схватить зверя за горло. Она оттолкнула от себя клыкастую морду, так и рвавшуюся с глухим рычанием вцепиться ей в шею. Острые когти царапали землю вокруг и зеленую охотничью куртку Тарилор. Стоя у эльфийки на груди, оборотень старался перегрызть ей горло.

Кузнец выронил трубку и хотел уже бежать за топором, висящим на стене сарая, но Тарилор изловчилась свободной рукой вытащить из колчана за правым плечом стрелу. В тот момент, когда злобная черная морда склонилась к ее лицу, обдавая тяжелым дыханием, эльфийка выбросила руку со стрелой вперед.

Стрела вонзилась волку прямо в глаз. Едва серебряный наконечник коснулся оборотня, тот рассыпался в прах, не успев даже взвыть от боли. Тарилор поднялась с земли, стряхивая с одежды пыль и серый пепел, оставшийся от волка.

– Что же это за напасть? – растерянно пробормотал кузнец. – Даже амулеты не помогли! Неужто оборотни теперь будут и в деревню являться, как к себе домой?

– Это был особенный оборотень, – сказала Тарилор, осматривая дыры на одежде, оставленные зубами и когтями. – Его заговорили, чтобы он смог пройти мимо амулетов. Думаю, его прислали за мной. Кто-то не хочет, чтобы я вернулась в Ильрагард. Мне нужно поскорее уехать из Альдина, так и для вас будет безопаснее. Как только единорог немного отдохнет, я тронусь в путь.

– Мы с моим братом проводим вас до Главной дороги, – сказал кузнец.

– Спасибо, я не нуждаюсь в помощи, – снисходительно отказалась Тарилор. – К тому же мой единорог быстрее ваших лошадей.

– Тогда пусть хотя бы моя жена зашьет вашу одежду, – предложил кузнец.

На протяжении всего разговора он не сводил испуганных глаз с кучки серого пепла на земле. «Люди слабые, чувствительные создания», – с невольным чувством превосходства подумала Тарилор.

– А она не так глупа, как кажется, – с некоторой долей симпатии заметил Орн, когда изображение деревни Альдин и дома кузнеца померкло, и он сам опять появился в зеркале. – Я же говорил, надо было сразу ее убить.

– Дрянная девчонка убила Ульфара! Лучшего из оборотней, созданных мною! – возмущенно прошипела темная фигура в плаще, подавшись вперед в своем кресле. – Я еще недостаточно сильна, чтобы добраться до нее за пределами Темноборья. Теперь она придет в Ильрагард и все расскажет Агенору. Старый зазнайка совершенно отупел на высокой придворной должности, но даже он догадается, в чем дело.

– Надо сматываться, Осторожнейшая госпожа, – сказал Орн.

– Оставь этот дурацкий жаргон! – раздраженно одернула его темная фигура – Где сейчас мы можем скрыться? Мы выбрали это тихое место, окружили его оборотнями, чтобы никто в него не проник, но вот появилась наглая рыжая эльфийка и все испортила.

– А ваш роскошный замок в Острозубых скалах, Скрытнейшая госпожа? – спросил Орн. – Непроглядные туманы, свирепые ветры, бездонные пропасти, каменные лабиринты, полные смертельных ловушек, полчища злобных троллей, армии свирепых гоблинов. Чудесное место, Опаснейшая госпожа!

– Замок еще не достроен, болван, – грубо оборвала его темная фигура. – Те гномы, которых ты пригнал на строительство, работают в час по чайной ложке. Одно слово – рабы!

– А что же вы хотите? – демон развел цепкими когтистыми лапами. – Они добытчики сокровищ, а не строители. Но все же лучше, чем ваши гоблины. Те только и умеют, что убивать да грабить. В замок мы, конечно, уехать не можем. Но исчезнуть отсюда нам надо как можно скорее. Если здесь будут искать, пусть ничего не найдут, Добрейшая госпожа.

Темная фигура поднялась с кресла. Ее тень заполнила собой всю землянку от пола до потолка, от стены и до стены.

– Ты умеешь давать советы, Орн, – вкрадчиво прошелестела она. – Но никогда больше не называй меня «добрейшей», – ее голос загрохотал в тесной землянке, точно громовой раскат. – Не смей никогда произносить это слово!

Таинственный сверток

Первое, что Илья увидел утром, открыв глаза, было окно с приоткрытыми шторами, а за ним большой город в излучине реки, утопающий в цветущих садах. Оглядевшись, Илья понял, что лежит на просторной кровати под зеленым балдахином в незнакомой комнате.

Комната была уютной, но вид ее был непривычен для глаз. Стены в ней были обтянуты тканью с цветочным орнаментом. Дверцы шкафов расписаны видами луговых долин с пасущимися по ним стадами единорогов. Стол и стулья покрывала затейливая резьба, в которой угадывались фигурки резвящихся в волнах рыб и дельфинов.

Илья сел на кровати, обвел глазами обстановку, потом снова перевел взгляд на волшебный город за окном. Он был залит утренним солнцем, на его стенах переливались блики от речной воды.

– Значит, я не сплю, – сказал себе Илья. – Все на самом деле!

Он вскочил с кровати и оделся, чувствуя прилив радостного оживления. Потом подошел к платяному шкафу и удивленно замер. Одна из дверок шкафа была зеркальной. Овальное зеркало отражало худенького мальчика в джинсах, кроссовках и клетчатой рубашке с завернутыми рукавами, надетой поверх зеленой майки. Как странно и чуждо теперь выглядел Илья в своей обычной московской одежде.

Он открыл шкаф и с удивлением обнаружил несколько более подходящих к случаю костюмов, сшитых будто специально для него. Штаны, сорочки, жилеты, куртки и даже башмаки – всё было его размера.

– Это Гвендаль все предусмотрел, – догадался Илья.

Ему очень хотелось увидеть дядю, поделиться впечатлениями, задать множество вопросов, в конце концов – просто повидаться. Переодевшись в новую одежду, Илья вышел из комнаты в надежде, что хозяин дома и, как выяснилось, великий чародей уже объявился и ждет его.

Он свернул по коридору налево и попал в кухню, просторную, с низким потолком, множеством шкафов и полок, широким дубовым столом и окнами, выходящими вглубь сада. В кухне пахло булочками с корицей и горячим какао. У большого очага хозяйничал Урдальф.

– Доброе утро, господин Элиа, – сказал он, увидев Илью. – Вам идет ваш новый костюм. Особенно башмаки с пряжками.

– Здравствуй, Урдальф, – ответил Илья, улыбнувшись гоблину. – Гвендаль еще не приехал?

– Нет, его пока нет, – покачал головой Урдальф и, видя, что Илья погрузился, добавил. – Да не расстраивайтесь вы раньше времени. Думаю, хозяин приедет со дня на день. А вы пока отдыхайте и привыкайте. Для вас теперь начнется новая жизнь.

И началась для Ильи совсем другая жизнь. Никто на него не кричал, никто не запирали в комнате за малейшую провинность, никто не придирались по пустякам. Никто даже не заставлял вставать чуть свет, чтобы не занимать ванную.

Но Илья все равно вставал рано, по привычке. Пил какао с булочками на кухне и уходил в библиотеку. С первого дня в Ильяране она стала для Ильи любимым местом обитания. Это была большая квадратная комната с блестящим паркетным полом и бессчетным количеством книжных шкафов и полок. Даже на втором этаже, на антресолях.

Посреди библиотеки стоял такой же письменный стол, как в кабинете Профессора, и такое же большое удобное кресло. Сидя за этим столом, Илья читал все книги подряд. Они были написаны странным алфавитом и на незнакомом языке. Но Илья, он заметил это еще при

встрече с Ноком и Тарилор, а также в гостях у Себастьяна, отчего-то понимал этот язык, когда слушал его, и мог говорить и читать на нем.

Поэтому он с интересом углубился в сочинения о здешних обычаях, истории, географии, растениях и животных. Илья словно заново пошел в школу. Мальчику хотелось как можно скорее освоиться в новом мире, узнать о нем как можно больше.

– Как бы вы не стали книжным червем, господин Элиа, – беспокоился Урдальф. – Гвендаль тоже чуть было не пошел по этой дорожке, да он, к счастью, слишком непоседлив.

Чтобы не стать книжным червем и не огорчить тем Урдальфа, к которому он уже успел привязаться, Илья время от времени ходил с гоблином на рынок. Посмотреть город, прогуляться по воздуху, но, главное, послушать новости: не слышно ли чего-нибудь о Гвендале.

Илья постоянно ждал его. Сидя за столом в библиотеке, он вздрагивал от каждого шороха и прислушивался к каждому звуку. Вечерами он выходил на широкую открытую веранду перед домом, смотрящую на долину Ильрадана, город внизу и дорогу, петляющую между холмами, садился, скрестив ноги по-турецки, и смотрел вдаль.

Ему казалось, что Гвендаль обязательно скоро появится на этой дороге, и он, Илья, увидит его первым. Но прошла неделя, потом другая, началась третья, а от чародея не было никаких вестей.

В том, что Гвендаль чародей, Илья уже не сомневался. Однажды Урдальф позволил ему войти вместе с ним в кабинет Гвендаля, когда потребовалось вытереть пыль и полить цветочки, как выразился гoblin. Никаких цветов, кроме сушеных травяных снадобий Илья в кабинете не заметил, а вот пыли было хоть отбавляй. Она слоями лежала на всем. И на разноцветных склянках с зельями, и на хрустальных шарах разного размера, выставленных на столе, и на самом столе, и на телескопе у окна, и на разных прочих диковинных инструментах и предметах, назначения которых Илья не знал.

– Не любит убираться и мне не дает. Творческая натура! – с уважением вымолвил Урдальф. – Приходится наводить здесь порядок, пока его нет дома. И то все время боюсь, что он за это превратит меня в диванную подушечку или в какую другую хозяйственную мелочь. Говорит, что после меня ничего найти нельзя. И вы весь в него. В вашей комнате все то же самое.

– Извини, Урдальф, я уберу, – смутился Илья.

– Вот еще, я сам уберу, – оскорбился Урдальф. – А то зачем я тогда здесь, спрашивается?

В кабинете Гвендаля тоже было много книг, и они также были написаны странными буквами на странном языке, но в них Илья как ни старался, не мог разобрать ни слова.

– Колдовство, – сказал Урдальф, видя, как Илья с недоумением смотрит в большую толстую книгу в кожаном переплете. – Даже и не пытайтесь разобраться в этой премудрости – голову сломаете. Гвендаль один может читать эти книги. Только он и такие же, как он. Вы лучше пишите свои. Уж очень хочется прочесть что-нибудь ваше новенькое. Я ведь все ваши книги прочел. Гвендаль перед тем как отдавать их Себастьяну, всегда мне давал почитать.

Илья очень хотел написать новую книгу. Но работа отчего-то не клеилась. Дни шли за днями, а в голове не слагалось ни единой строчки. В конце концов, Илья решил, что будет вести дневник, записывать все, что с ним приключилось в Ильраане, а когда материала наберется достаточно, напишет книгу.

«Ведь мне когда-нибудь надо будет вернуться обратно, – говорил он себе, и тут же сам себя спрашивал: – А надо ли?» Илья очень полюбил свою новую жизнь. Такую непохожую на прежнюю, но уютную и спокойную. Единственное, чего ему не хватало – это присутствия Гвендаля, по которому он очень скучал. Но рано или поздно он должен же был вернуться!

– Это самое, господин Элиа, – сказал Урдальф однажды утром, в начале четвертой недели пребывания Ильи в Ильраане. – Есть одно дельце. Монеты у нас заканчиваются. То, что оставил Гвендаль, уже подрастряслось. Не пора ли вам сходить в свой банк? Этот проходимец книгоиздатель ведь положил на ваш счет денежки?

– Да, – подтвердил Илья. – И говорит, сумма немалая.

– Вот и хорошо, – обрадовался Урдальф. – Надеюсь, гном не врет. Нам бы чуть-чуть из этой немалой суммы на хозяйственные нужды, а, господин Элиа?

– Да, конечно, – согласился Илья, для которого мысль о том, что у него есть деньги, была довольно странной.

Хотя, все теперь было странным. Только успевай привыкать.

– Пойдем сейчас? – спросил он гоблина. – Я никогда раньше не ходил в банк.

– Оно и видно, – сказал Урдальф, скептически окинув взглядом свободные штаны на подтяжках и рубашку в полосочку, в которых Илья слонялся по дому. – Надо бы вам надеть отглаженные штаны, рубашку с запонками, кафтан, жилет, шейный платок. А уж носки и ботинки, – он посмотрел на босые ноги Ильи, – это просто обязательно.

– Это уж слишком, – возразил Илья. – Я же в банк собираюсь, а не жениться.

Обычно заботу и назидания Урдальфа он переносил с молчаливым смирением, но тут не удержался и съязвил.

– Если будете так плохо есть и останетесь таким худым, ни одна невеста за вас не пойдет, – не поняв юмора, серьезно заявил гoblin.

– Как-нибудь выкручусь, – пообещал Илья, и чтобы Урдальф остался доволен, пошел в свою комнату, переоделся и обулся, как ему было велено.

Илья часто спускался с холма, на котором стоял дом Гвендаля, чтобы побывать в Ильрагарде. Но в банк за деньгами он шел впервые и потому совершенно не представлял, что должен делать.

– Себастьян сказал, что этот банк называется Кубышка, – сказал он Урдальфу, когда они вошли в город через Южные ворота. – Но, честно говоря, я в тот момент думал совсем о другом и даже не спросил, где он находится. А ты знаешь, где это?

– Конечно, – усмехнулся Урдальф. – На Денежной улице, где же еще? Это сразу направо от Площади с Фонтаном. Там находятся все банки Ильрагарда. Кубышка, между прочим, самый лучший банк. Хоть за то уважаю гнома, что он знал, куда поместить ваши деньги.

Денежная улица оказалась коротенькой, но широкой и очень оживленной улочкой. Даже в ранний час по ее мостовой разъезжали повозки, а на тротуарах было не протолкнуться от народа. Дома на улице располагались не строго в линию, вдоль тротуаров, а как придется. Одни выдавались вперед, другие отступали назад. Какие-то были повернуты к улице фасадом, а какие-то обращены торцом.

Выглядели дома тоже по-разному. Высокие и узкие, приземистые и длинные. Со стенами, выкрашенными разноцветными красками или сложенными из круглого серого камня. С островерхими башенками и позолоченными куполами или с четырехскатными крышами, покрытыми красной черепицей. Все это были банки, как объяснил Илье Урдальф. Один из них, самый престижный и надежный, назывался Кубышка.

– Вон он, – Урдальф приподнялся на цыпочки, остановившись посреди тротуара, и указал куда-то вверх голов толпящихся вокруг людей.

Илья посмотрел вперед и увидел здание, очень напоминающее американский Капитолий. Только было оно не белым, а лимонно-желтым, и стекла в окнах были цветные.

– Пойдемте, господин Элиа, – предложил Урдальф и начал расталкивать прохожих. – Дайте пройти, долговязые!

Илья, слегка ошалевший от такой многообразной архитектуры, старался не отставать, потому что за спиной невысокого шустрого гоблина толпа сразу же смыкалась. Мальчик и гоблин поднялись на крыльцо желтого здания. На площадке перед входом, охраняя двухстворчатую стеклянную дверь, сидели диковинные животные с птичьими телами, покрытыми яркими перьями, сильными когтистыми лапами и грозными бульдожьими мордами.

– Это сенмурвы, – объяснил Урдальф. – Раньше они водились в Дивном Крае целыми стаями. А теперь их встретишь не каждый день.

– А они не кусаются? – с опаской спросил Илья, невольно замерев под подозрительным собачьим взглядом.

– Нет, они совсем ручные, – успокоил мальчика гоблин. – Им кусаться незачем, достаточно одного вида.

Он открыл перед Ильей створку стеклянной двери, и они вошли внутрь. В просторном зале со сводчатым потолком было так же много народу, как и на улице, но суета в Кубышке царила деловитая, а разговоры велись приглушенные. Сквозь цветные стекла в окна проникали солнечные лучи, и на мозаичном полу лежали красные, синие и зеленые пятна света.

– Вот, здесь будет удобно, – Урдальф вмиг растолкал остальных посетителей и расчистил для Ильи местечко за круглым столиком.

На краю столика стоял чернильный прибор, и лежали бланки квитанций.

– Вы писатель и должны разбираться в бумажных делах, верно? Чтобы снять денежки со счета, надо заполнить вот это, – веером разложив квитанции перед Ильей, объяснил Урдальф. – Снимите, пожалуйста, столько, чтобы хватило на еду, на фонарное масло, на свечи, на дрова. И еще вам на перья и чернила, на бумагу, на новые ботинки. Эти можно носить только дома! Потом еще Гвендалю на второй телескоп – он давно хочет купить новый, помощнее. И еще, если можно, немножко на сливочные помадки из лавки на Базарной площади. Они такие вкусные! Можно, а?

– Знаешь что, Урдальф, ты сам напиши нужную цифру, а я распишусь, – сказал Илья, с улыбкой выслушав хозяйственные разглагольствования домоправителя.

– И на сливочные помадки? – с робкой надеждой повторил Урдальф.

– Конечно, и их возьми в расчет тоже, – согласился Илья.

– Так их люблю, ничего не могу с собой поделатъ, – смущенно забормотал Урдальф и заскрипел пером по бумаге, заполняя квитанцию.

Когда он написал все, что было нужно, Илья подписался внизу «Рассказчик».

– Где у вас записан номер счета? – спросил Урдальф у Ильи.

– Вот, – Илья пошарил в жилетном кармане и достал листок бумаги, который дал ему Себастьян.

– Как непрактично, – покачал головой гоблин, взглянув на порядком помятый и потрепанный лист. – Вы б его еще потеряли для пушей радости! Без моего присмотра вы пропадете, господин Элиа. Я все сделаю сам, а вы пока посидите.

Урдальф рванул к высокой стойке из полированного дуба, юрко лавируя между другими посетителями банка. Илья со своего места наблюдал, как гоблин ловко и довольно бесцеремонно протиснулся без очереди, встал на цыпочки, ибо стойка доходила ему до подбородка, и постучал по блестящей деревянной поверхности костяшками пальцев.

– Что угодно? – вежливо улыбнулся юноша немногим старше Ильи, поправляя полосатый шейный платок, заколотый брошью в виде божьей коровки.

– Как это чего? – строго сощурился Урдальф и со стуком водрузил на стойку документы, заполненные Ильей и листок со счетом. – Деньжат отсыпь. И пошевеливайся, давай!

– Ну да, конечно, – оробев при виде грозного гоблина, закивал молодой клерк, прочел подпись на квитанции, подскочил едва ли не до потолка и воззрился на Урдальфа с видом крайнего благоговения. – Ка-ак? Это правда вы?

Поняв по поведению банковского служащего, что он является поклонником книг Рассказчика, Илья за столиком смущенно втянул голову в плечи, стараясь выглядеть как можно незаметнее.

– Нет, не я! – ничуть не смутившись, отрезал Урдальф. – Но я за него. Деньги, говорю, неси.

Юноша перевел дух, как показалось Илье с некоторой долей облегчения, после чего он сделал в толстой книге все необходимые записи, сходил куда-то, и вскоре из хранилища принесли туго набитый монетами кожаный мешочек.

– Я пересчитаю, – деловито насутился Урдальф, развязывая тесемки на мешочке.

– Конечно, конечно, – закивал клерк, взволнованно обмахнулся уголком шейного платка и с придыханием добавил. – Вы ему передайте, пожалуйста, что я все его книги читал!

– Угу-м, – буркнул Урдальф, звеня монетами, и, пересчитав деньги, одобрительно добавил. – Все в порядке. Молодец, сам будешь банкиром.

– Очумел совсем этот малый, как увидел вашу подпись! – пожаловался гoblin, вернувшись к Илье с тяжелой звенящей добычей. – Хорошо, что я пошел вместо вас. Тяжело, оказывается, быть знаменитым.

– Оказывается, – согласился Илья.

О бремени славы он часто слышал раньше, но лично столкнулся впервые.

– Ну вот, а теперь зайдем за сливочными помадками, – счастливо вздохнул Урдальф, когда они с Ильей вышли из Кубышки, и подбросил на сморщенной ладони мешочек с деньгами. – Вы не обижайтесь, господин Элиа, но деньги я буду держать при себе, пока не вернемся домой. Так надежнее будет. Никто не посмеет отнять кошелек у гоблина.

– Как скажешь, – покладисто согласился Илья, и они свернули в запутанный лабиринт узких улочек, прилегавших к Базарной площади.

День был погожий и теплый. Прохожие весело улыбались и останавливались, чтобы поболтать друг с другом. На Базарной площади как всегда было негде яблоку упасть.

К счастью, кондитерская лавка, в которую так стремился Урдальф, находилась в самом ее начале, поэтому лезть сквозь толпы торговцев, зевак и покупателей, к радости Ильи, не пришлось. Гоблин нырнул в низенькую дверцу, звякнув подвешенным над притолокой колокольчиком, Илья последовал за ним.

После прогулки по солнечным улицам в лавке, заставленной шкафами и витринами с конфетами да пирожными, было немного сумрачно. Только масляные лампы под потолком и длинные полосы света из стрельчатых окон рассеивали полумрак. Зато пахло восхитительно.

Острый нос Урдальфа жадно втянул аромат сладостей, а зоркие глаза сразу заметили в углу продавщицу, расставлявшую банки с лакричными палочками.

– Ну-ка, милочка моя, где тут ваши прекрасные сливочные помадки? – деловито потирая руки, спросил он.

Гоблин тут же повел девушку к полкам со сладостями, дабы выяснить жизненно важный вопрос: какие же помадки вкуснее – с кофейной начинкой или с яблочной. А Илья, поняв, что он здесь, кажется, надолго, занялся изучением гномьих фигурок из шоколада, выставленных в витрине у прилавка.

Спустя пару минут у него над ухом кто-то кашлянул.

– Это вы? – спросил рядом низкий мужской голос.

Илья вздрогнул от неожиданности, сразу же вспомнив недавнее происшествие в банке.

– Нет, не я! – сказал он в точности как Урдальф, только куда испуганней, поднял глаза и увидел хозяина лавки.

Высокий худой человек в слегка засаленном темно-синем сюртуке взгляделся в лицо мальчика и с сомнением покачал головой.

– Да нет же, это вы, – возразил он, прошел за прилавок, отпер ключом небольшой буфетик в углу и вынул из него двустворчатую деревянную рамку с красиво вырезанным на ней орнаментом из виноградных листьев. – Ошибиться трудно. Одно лицо.

Чтобы увидеть, о чем говорит хозяин кондитерской, Илья привстал на цыпочки и заглянул внутрь рамки. На одной ее половинке была нарисована цветущая ветка яблони, а на другой портрет красивой молодой женщины с волнистыми черными волосами.

У женщины на портрете были такие же большие голубые глаза, как у Ильи, и такие же взлетающие к вискам черные брови. Илья уже видел ее раньше на фотографии в альбоме у Профессора и смутно помнил ощущение тепла и радости, которое он испытывал давным-давно в раннем детстве, когда она входила в его комнату. «Мама», – догадался Илья, и к горлу вдруг подступил тугой удушливый ком.

– Что ж, раз все сходится, и вы именно тот, кто нужно, – продолжал лавочник. – Я могу отдать вам то, что мне передал на хранение Гвендаль.

Он обернулся в сторону двери, пробежался взглядом по окнам и снова полез в буфет, загородив его спиной. Илья услышал, как щелкнула и отъехала в сторону деревянная панель, открывая потайной ящик.

Снова оглянувшись на окна и дверь, хозяин кондитерской торжественно передал Илье через прилавок квадратный сверток, обернутый пергаментом и перетянутый бечевкой.

– А что это? – спросил Илья, впечатленный таинственностью, окружавшей доставшийся ему предмет.

– Этого Чародей не сказал. Он оставил только записку, – лавочник достал из верхнего ящика буфета конверт с письмом.

Илья узнал неровный беспокойный почерк дяди. «В случае, если я не вернусь в течение месяца, отдайте сверток моему племяннику Элиа, когда он появится. Гвендаль», – прочел он.

– Почему же Гвендаль дал поручение именно вам? – удивился Илья. – Мы ведь даже никогда не встречались.

Лавочник пожал плечами.

– Это же Чародей, – с уважением проговорил он. – Он знал, что рано или поздно ваш гоблин захочет сливочных помадок. А где продаются лучшие? Разумеется, здесь. А вместе с гоблином, конечно, придете вы. И, вы совершенно правы, мы раньше не встречались. Значит, вещь, которую он оставил, будут искать у меня в последнюю очередь.

И он в третий раз оглянулся на окна.

– А он не говорил вам, куда поехал? – с надеждой спросил Илья.

– Он никому ничего не рассказывает, – покачал головой хозяин лавки и запер свой буфет на ключ. – Я исполнил все в точности, Чародей будет доволен.

– Спасибо, – поблагодарил Илья, озадаченно повертев сверток в руках, и бросил взгляд на прилавок, где лежал портрет в двустворчатой рамке. – А можно я это тоже заберу? И скажите Урдальфу, что я подожду его снаружи.

Закрывая за собой дверь кондитерской лавки, Илья заметил, что хозяин провожает его взглядом, полным тревоги. Портрет он положил во внутренний карман жилета, поближе к сердцу, а сверток держал в руках. Он был не тяжелый, но твердый на ощупь. «Кажется, это

книга, – подумал Илья, ощупывая пергамент. – Что же в ней такого особенного, если вокруг нее столько тайн?»

Обойдя вокруг лавки, Илья обнаружил небольшой, мощеный булыжником дворик, окруженный каменной оградой. В середине дворика, вокруг кудрявого деревца стояли скамейки. Илья решил подождать здесь Урдальфа с его сливочными помадками и заодно в одиночестве заглянуть в содержимое пергаментного свертка.

Но стоило сделать пару шагов, как Илья заметил, что он тут не один. В гулкой тишине двора кто-то назойливо сопел за спиной. Обернувшись, Илья столкнулся нос к носу с высоким незнакомцем.

Незнакомец был одет в серый балахон с капюшоном, за которым нельзя было разглядеть лица, и стоял так близко, что Илья попятился. Незнакомец сразу же шагнул вперед, опять подходя к Илье вплотную, и протянул к нему руки.

Рукава его балахона были такие широкие и длинные, что и рук тоже нельзя было увидеть. Илье показалось, что перед ним стоит ожившее серое одеяние, под которым ничего нет. Это было не слишком-то приятно, если не сказать страшно. Илья даже растерялся. Он отступил еще раз и оказался у стены, окружавшей двор.

Прижавшись спиной к каменной кладке, мальчик вдруг заметил, что руки серого незнакомца тянутся не к нему, а к свертку, который он держит. Илья прижал свертки к груди. Из-под капюшона сверкнули злобные красные огоньки глаз, и незнакомец тихо угрожающе зарычал. Илье даже показалось, что он собирается его укусить.

Похолодев от страха, Илья зажмурился, но даже с закрытыми глазами видел широкие рукава, тянущиеся к бечевке на пергаменте. «Я ни за что не отдам свертки! – почему-то твердо решил он. – Но как же мне сбежать?»

– Эй, ты! А ну, отойди от господина Элиа, а то будешь иметь дело со злобным хищным гоблином! – громко крикнул в тишине двора знакомый сердитый голос.

Илья открыл глаза и увидел, что у входа во двор, упревая руки в бока и свирепо вращая глазами, стоит его строгий домоправитель.

– Урдальф! – счастливо выдохнул он.

Сжав крепкие кулачки, гoblin двинулся к незнакомцу в сером балахоне. Неизвестный злобно, недовольно засопел и отступил в сторону. Затем, чуть помешкав, вдруг кинулся вглубь двора к дальней стене, но не перепрыгнул через нее, а, как показалось Илье, перебежал через стену, поднявшись вверх по ней быстрыми шажками. Из-за стены до Ильи и Урдальфа донеслось тихое шуршание, затем и оно прекратилось.

– Вот шустрый молодчик, – развел руками Урдальф. – Что-то он мне совсем не понравился. Пронырливый какой-то.

– А у меня так и вовсе от него мороз по коже, – признался Илья, с беспокойством глядя на стену, за которой исчез незнакомец. – Он почему-то хотел отобрать у меня свертки.

– Ясно, почему, – сердито проворчал Урдальф. – Нельзя вас одного отпустить, тут же на вас нападают среди бела дня разбойники!

– Нет, он не просто грабитель, – помрачнев от непонятного предчувствия, возразил Илья. – Мне так кажется, я даже уверен, что ему был нужен именно этот свертки.

– Ну, раз так, отнесем его скорее домой, – сказал Урдальф. – И посмотрим, что в нем. Я, пожалуй, раз такие дела пошли, поймаю нам извозчика. В коляске быстрее доедем.

Илья вздохнул свободнее, когда они вышли обратно на людную площадь. Но ему показалось, что из подворотни за ним пристально следят злобные красные глаза.

Легенда

Когда вернулись домой, Урдальф отправился на кухню варить обед. Илья пошел с ним и, сев за кухонный стол, тут же потянулся за ножницами, чтобы разрезать бечевку, перетягивавшую сверток. Под пергаментом, как он и предполагал, оказалась книга. Небольшая, но толстая, в темно-зеленой обложке.

– Ничего себе! – помешивавший суп Урдальф выпустил из рук поварешку. – Что ж это за тарабарский язык такой?

Название на обложке книги действительно было написано на языке, незнакомом Урдальфу так же, как любому другому жителю Ильраана, Аладана или Занбаара.

– «Уильям Шекспир. Сонеты», – прочел Илья по-английски. – Столько секретов из-за стихов?

Начать теряться в догадках ему не пришлось. Снаружи послышался звон колокольчика над садовой калиткой, потом кто-то застучал по калитке дверным молоточком.

– Гвендаль! – Илья вскочил, сразу же забыв о книге.

– Он никогда не стучит, – возразил Урдальф. – Кого это несет к обеду? Небось, опять этот настырный гном, подручный Себастьяна. Это он в тот раз так колотил.

Стучали и впрямь очень настойчиво, словно кому-то не терпелось увидеть хозяев.

– Пойду открою, – вздохнул Урдальф, с сожалением посмотрев на кастрюльку, в которой кипел недоваренный суп.

Вернулся он очень быстро. Илья даже не успел открыть книгу великого поэта, а гoblin уже стоял на пороге кухни в сопровождении двух стражников в блестящих доспехах. Даже в прошлой, московской жизни Илья знал, что в приходе стражи обычно нет ничего хорошего, и очень удивился, когда вооруженные воины поклонились ему.

– Господин Элиа, нам поручено вас охранять и сопровождать, – сказал один из них.

– Такая честь! – проговорил Урдальф.

Судя по его виду, гoblin был здорово ошарашен происходящим. Это удивило Илью еще больше.

– Сопровождать? – повторил он. – Куда?

– Вас хотят видеть во дворце, – объяснил стражник. – Это очень срочно.

– Вот еще! – опомнился Урдальф, услышав эти слова. – Он никуда не пойдет, не пообедав.

– Это очень срочно, – повторил стражник и приглашающим жестом указал на дверь.

На дороге у калитки ждала красивая крытая повозка с круглыми окошками и позолоченными дверцами. Илья сел на обшитое мягким плюшем сидение и положил на колени книгу, которую в спешке прихватил с собой. Урдальф, вышедший к калитке проводить его, помахал рукой и чинно раскланялся со стражниками. Вид у него был недовольный.

– Никогда не получается как следует накормить молодого хозяина, – проворчал гoblin, глядя вслед повозке, отъезжающей в сопровождении охраны. – Ох, превратит меня Гвендаль в диванную подушечку!

Повозка покатила вниз по дороге к Южным воротам Ильрагарда. Илья ехал в ней и не знал, что причиной его неожиданной поездки послужил разговор, случившийся в царском дворце утром того же дня...

– Гонцы возвращаются один за другим и приносят тревожные вести. Происходит именно то, о чем рассказал в беседе с Тарилор Восточный Колдун. С чародеями в землях нашей страны и во всем Дивном Крае творится неладное. Одни исчезли бесследно, другие уплывают

на Восток. Один из моих гонцов встретил в Невозвратной гавани Арбогаста из Тальпура, он собирался сесть на корабль, уходящий за Море. Чародей из Тальпура сказал такие слова: «Мне сделали предложение, от которого нельзя было отказаться. А я отказался, и поэтому мне лучше уехать. Мне жаль тех, кто остается».

Агенор говорил тихо, но своды Тронного зала разносили гулкое эхо, превращая голос Верховного Чародея в угрюмый звон набатного колокола.

– Что, по-твоему, это значит, Агенор? – взволнованно спросила царица.

– Арбогаст был очень напуган. Настолько напуган, что даже не решился открыто рассказать о своем страхе, – проговорил Агенор, одной рукой задумчиво поглаживая бороду, а другой опершись на изогнутый подлокотник своего кресла, стоявшего у подножия трона. – Он только намекнул. Намекнул, чтобы нас предупредить.

– Предупредить о чем? – прошептала царица, которую испугали слова чародея.

– О том, что Восточный Колдун был прав, – нахмутив брови, промолвил Агенор. – Зло пробудилось, старые времена возвращаются.

– Я даже не хочу об этом слышать! – возмущенно воскликнула царица, порывисто поднялась с трона и в волнении сделала несколько шагов вперед. – Повторение Великого Раскола привело бы к новой войне. Это невозможно! Темные маги были уничтожены четыреста лет назад. Их армия была разгромлена в битве при Мирадоре, и с тех пор о них никто ничего не слышал. Ильрааном снова правят чародеи, правят мирно и справедливо, и никто не собирается ничего менять.

– Всем нам хочется так думать, царица, – печально покачал головой Верховный Чародей. – Но мы не должны закрывать глаза на очевидное. Темные маги не были разгромлены раз и навсегда. Некоторые из них уцелели. Все это время они таились, копили силы и ждали случая взять реванш. То, что видела Тарилор в Темноборье, не оставляет нам сомнений: темные маги дождались своего часа. А то, что посланная мною стража потом не нашла никого и ничего в темноборских чащах, только подтверждает рассказанное вестником. Есть некто, он лелеет надежду на победу темных сил в Ильраане, а может, и во всем Дивном Крае. Он собирает сторонников и избавляется от противников. Вот, что происходит с нашими чародеями в последние дни.

– Боюсь, ты прав, – с горечью вздохнула царица и присела на ступеньки возле трона. – А что Ютас? Восточный Колдун уже прислал вести, как обещал?

– Ютас исчез. Тарилор была последней, кто его видел, – ответил Агенор.

– И он тоже! – испуганным шепотом воскликнула царица, подняв на чародея большие, полные тревоги глаза. – Агенор, но как же силен наш враг, если он смог одолеть такого могущественного чародея, как Восточный Колдун! А Гвендаль, как ты думаешь, с ним случилось то же самое, что с Ютасом и всеми остальными? Неужели и с самим Гвендалем!

– Я не знаю, что ответить, царица, – покачал головой Агенор. – Но есть одна мысль. Тарилор рассказала, что в день, когда Гвендаль должен был вернуться в Дивный Край, из двери в Дубовом лесу вместо него вышел мальчик. Его племянник, тот самый Элиа Рассказчик, книгами которого все сейчас так увлекаются.

– Мальчик? – изумленно воскликнула царица. – Рассказчик просто-напросто мальчик?

– Не просто мальчик, – возразил Верховный Чародей. – Он внук великого Витольда и наполовину чародей. И на довольно большую половину, если смог пройти сквозь дверь, не зная пароля. Возможно, он знает что-то о Гвендале. Думаю, нужно пригласить его сюда.

– И поскорее, – царица встала со ступенек. – Тебе следует послать за ним, Агенор, а мне пойти и переодеться во что-нибудь подходящее к случаю, – она поправила прядь волос, выбившуюся из прически. – Я так давно мечтала познакомиться с Рассказчиком!

Дворец Ильраанских царей находился за Восточными воротами Ильрагарда. Он стоял на высоком обрывистом берегу Ильрадана, возвышаясь над городом, рекой и долиной. Его жемчужного цвета башни поднимались к облакам, увенчанные золотыми куполами. На шпилях вертелись флюгера в виде драконов с развевающимися по ветру хвостами.

Сидя на террасе своего дома и глядя издали, Илья никак не мог разглядеть дворец во всех подробностях. Ему всё казалось, что царский чертог окружен радужным сиянием. Вот и теперь, когда Илья шел по открытым галереям, опоясывавшим дворец снаружи, и длинным внутренним коридорам, он никак не мог понять, из чего же построены стены, украшенные янтарной мозаикой.

То они казались твердыней из прочного камня, то вдруг представлялись скоплением прозрачных утренних облаков. Гвендаль рассказывал Илье, что при строительстве использовали не только труд каменщиков, маляров и штукатуров, но и строительную магию. Чары защищали постройку и придавали ей сказочно прекрасный вид, который производил на всякого, кто видел дворец правителей Страны Чародеев, неизгладимое впечатление.

Стражники, провожавшие Илью, довели его до высоких двустворчатых дверей, инкрустированных перламутром. Створки легко повернулись на петлях, открываясь перед Ильей, и он вошел в Тронный зал.

Весь дом Гвендаля легко уместился бы под его расписным сводчатым потолком. В зеркальном паркете пола отражались два ряда тонких витых колонн, делившие Тронный зал на три коридора. Из высоких окон слева и справа лились потоки света, создавая в воздухе золотистое сияние.

В противоположном конце зала на возвышении с четырьмя ступенями стоял трон под парчовым балдахином. На его ступенях стоял высокий и представительный пожилой человек в лиловой бархатной мантии, расшитой изображениями небесных светил. У него была короткая седая борода, как у бывшего капитана дальнего плавания, густые седые брови и пронзительные глаза. Это был Агенор – главный ильраанский чародей, регент при царице и ее первый советник.

У Ильи перехватило дыхание. Он ни разу еще не видел настоящего волшебника. За исключением Гвендаля, конечно. Но Гвендаль обычно одевался в джинсовые штаны и свитер и выглядел не так величественно.

На троне сидела царица, одетая в платье цвета красной смородины с длинным шлейфом. На ее голове блестела диадема из серебряных нитей, сплетенных в причудливый узор.

Илья много слышал о царице и никак не ожидал, что она может оказаться девочкой не старше его самого. Правда, очень красивой девочкой. У нее были зеленые глаза и черные брови, прозрачная, будто фарфоровая кожа, а на плечи спускались прямые темно-русые волосы, густые и блестящие. Сидя на троне, царица непринужденно болтала ногами в узких серебряных башмачках с острыми, загнутыми носами.

Глядя на нее, Илья смутился, но замаскировать смущение улыбкой, как часто делал раньше, почему-то не смог. «Как, интересно, следует вести себя при встрече с такими важными особами? – думал он, растерянно вертя в руках книгу Гвендаля. – Нужно поклониться или можно просто поздороваться? Гвендаль мог бы мне и об этом рассказать».

Долго ломать голову над этим сложным вопросом ему не пришлось. Когда Илья уже прошел большую половину зала, царица вдруг прыгнула с трона, сбежала вниз по ступенькам и быстро пошла ему навстречу.

– Наконец-то вы пришли, господин Рассказчик, – сказала она, приветливо улыбаясь. – Конечно, мне хотелось бы познакомиться при других обстоятельствах. Могли бы посидеть за чашкой чая, поболтать о литературе. Но так уж случилось, что мы вас позвали по очень серьезному делу.

Илья немного стушевался, никак не ожидая, что царица поведет себя так просто и искренне, как обычная девочка из его школы.

– Из-за моего дяди? – предположил он.

– Да, из-за Гвендаля, – кивнула царица и обернулась к Верховному Чародею. – Агенор, идея встретиться в Тронном зале была глупой. Что за привычка вечно пускать пыль в глаза? Здесь все свои. Думаю, нам будет удобнее в библиотеке. Пусть нам туда принесут лимонад и пирожные с кремом. Пойдемте со мной, Элиа.

Она взяла Илью за руку и повела к маленькой двери позади трона.

Как ни велика была библиотека Гвендаля, она не шла ни в какое сравнение с дворцовой библиотекой. Это был круглый зал высотой в несколько этажей со стеклянным куполом вместо потолка. На куполе золотым и серебряным цветами была нарисована карта звездного неба. «Краски светятся в темноте, – вспомнил Илья рассказы Гвендаля о Дворце Чародеев, – и ночью можно смотреть на настоящие звезды на небе, а на карте читать их названия».

– Прошу сюда, – сказала царица и повела Илью в уютный уголок между книжными стеллажами, где стоял круглый стол и несколько мягких кресел.

Илья сел, положив книгу на колени. Агенор и царица сели напротив и устремили на него взгляды, в которых читалось ожидание.

– Значит, вы знаете, где Гвендаль? – спросил Илья, слегка оробев под этими пристальными взглядами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.